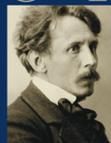

ВЛАДИМИР
АЙЗЕНШТАДТ

МАРГАРИТА
АЙЗЕНШТАДТ

ОЧЕРКИ

ФОНТАНКИ

Из истории
петербургской культуры

**Владимир Борисович Айзенштадт
Маргарита Яковлевна Айзенштадт
Очерки Фонтанки. Из истории
петербургской культуры
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9826626

*В. Б. Айзенштадт, М. Я. Айзенштадт. Очерки Фонтанки. Из истории петербургской культуры:
Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05520-0*

Аннотация

По прошествии пяти лет после выхода предыдущей книги «По Фонтанке. Страницы истории петербургской культуры» мы предлагаем читателям продолжение наших прогулок по Фонтанке и близлежащим ее окрестностям. Герои книги – люди, оставившие яркий след в культурной истории нашей страны: Константин Батюшков, княгиня Зинаида Александровна Волконская, Александр Пушкин, Михаил Глинка, великая княгиня Елена Павловна, Александр Бородин, Микалоюс Чюрлёнис. Каждому из них посвящен отдельный очерк, рассказывающий и о самом персонаже, и о культурной среде, складывающейся вокруг него, и о происходящих событиях. Очень надеемся, что собранный материал окажется интересен и вам, наши дорогие читатели.

Содержание

От авторов	5
Константин Николаевич Батюшков	6
Княгиня Зинаида Александровна Волконская	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Владимир Айзенштадт,
Маргарита Айзенштадт
Очерки Фонтанки. Из истории
петербургской культуры**

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Айзенштадт В. Б., Айзенштадт М. Я., 2014

© ООО «Рт-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

От авторов

Наконец-то, по прошествии пяти лет, мы предлагаем читателям продолжение наших прогулок по Фонтанке и близлежащим ее окрестностям. Все это время мы не прекращали наши путешествия и делились находками со слушателями «Радио России» и с посетителями «Вечеров на Фонтанке» и «Петербургских сюжетов» в Российской национальной библиотеке, библиотеке Льва Толстого и на тех площадках, куда нас приглашают.

О некоторых героях наших рассказов нам захотелось продолжить рассказ, посвятив новые страницы то следующему поколению, как это случилось с Бело сельскими-Белозерскими (мы рассказали о княгине Зинаиде Волконской, дочери князя Белосельского-Белозерского), то предыдущему поколению (великая княгиня Елена Павловна и семейство ее внуков – Мекленбург-Стрелицких и графини Карловой).

В связи с тем что мы охватываем примерно один круг людей, в некоторых случаях для создания более широкой и яркой картины культурной жизни Петербурга нам приходится ссылаться на события, уже описанные или упомянутые в первой части книги. Всегда интересно посмотреть на одно и то же событие с разных сторон, увидеть его глазами людей, придерживающихся разных взглядов.

Какие-то темы стали нам интересны в связи с юбилеями тех или иных очень значимых, на наш взгляд, событий. Таким, например, стало столетие музыкально-художественного утра в Петербургской консерватории, состоявшееся 15-го апреля 1912 года, посвященное памяти художника-композитора Н. К. Чурлёниса, в котором приняли участие Вячеслав Иванов, С. Маковский, музыканты, хор и симфонический оркестр. В зале и фойе были выставлены произведения художника. На выставке были представлены 102 работы. Пребывание Чурлёниса в Петербурге добавило еще один штрих в художественную жизнь нашего города.

400-летие дома Романовых, 150-летие Петербургской консерватории и 150-летие отмены крепостного права дали повод присмотреться к деятельности великой княгини Елены Павловны.

Двухсотлетие со дня рождения М. И. Глинки побудило обратиться к личности композитора.

Путешествие по Германии, в частности в Гейдельберг, познакомило нас с еще одной страницей петербургской культуры. В 1859 году в Гейдельбергский университет для усовершенствования в области химии едет Александр Порфирьевич Бородин и обнаруживает там группу молодых русских ученых, составивших Гейдельбергский кружок. Среди них были Менделеев, Сеченов, Савич.

Это опять же петербургская культура, перенесенная на другую почву! Было очень интересно заняться этим.

По уже установившейся традиции хочется выразить глубокую благодарность тем, кто помогал нам в работе: председателю совета ОО «Институт Петербурга» И. М. Сергеевой, сотрудникам Российской национальной библиотеки Е. Ф. Строгановой и Е. С. Ребриевой, сотрудникам Центра петербурговедения ЦГПБ им. В. В. Маяковского и лично З. А. Рудая, а также Л. М. Жербиной, И. В. и Г. С. Литвиным, Н. В. Платоновой, В. Е. Ровнеру, С. П. Кречетовой.

Особую благодарность хочется выразить нашему редактору на «Радио России» Николаю Матвеевичу Кавину. Его благожелательная и профессиональная реакция на наши программы помогает отсеивать ненужное и подчеркивать важные аспекты.

Константин Николаевич Батюшков

I

Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел, наконец, адмиралтейский шпигц,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!

Это – Константин Батюшков¹.

Странно, но для большинства из нас современная большая русская литература начинается с Пушкина Александра Сергеевича. Державин, Дмитриев, даже В. Л. Пушкин, дядюшка великого поэта, – все это что-то старинное, архаичное. Но начало XIX века ознаменовалось в России бурной литературной жизнью, литературной полемикой. И одной из наиболее заметных фигур этого времени был именно Константин Николаевич Батюшков.

В этом очерке мы будем говорить не только о поэте Батюшкове, но и о его друзьях, в числе которых были и Гнедич, и Жуковский, и Вяземский, и очень молодой Пушкин, и многие, многие другие. Мы также будем рассказывать о культурных событиях его времени, и о тех трагических событиях и в России, и в мире, непосредственным участником которых был Константин Николаевич Батюшков.

Роль Батюшкова в процессе становления русского литературного языка переоценить невозможно.

«Батюшков – записная книжка нерожденного Пушкина», – считал Осип Мандельштам². «Ему [Пушкину] и восемнадцати лет не было, – писал И. С. Тургенев, – когда Батюшков, прочитав его элегию: „Редает облаков летучая гряда“, воскликнул: „Злодей! Как он начал писать!“... Быть может, воскликнув: „Злодей!“», Батюшков смутно предчувствовал, что иные его стихи и обороты будут называться пушкинскими, хотя и явились раньше пушкинских»³.

«Это еще не пушкинские стихи, – писал Белинский о стихах Батюшкова, – но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских... Не имея Батюшкова своим предшественником, Пушкин едва ли бы мог выработать себе такой стих, – продолжает он. – Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтоб имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением»⁴.

По поводу же легенды, изложенной Анненковым и развитой И. С. Тургеневым, о знаменитом восклицании Батюшкова относительно Пушкина: «О, как стал писать этот злодей!», прекрасно сказал Вячеслав Кошелев: «Того восторга и трагического отчаяния, той зависти,

¹ Батюшков К. Н. Сочинения в 2 томах. Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. А. Кошелева. М., 1989. Т. 1. С. 241.

² Мандельштам О. Разговор о Данте. М., 1967. С. 75.

³ Тургенев И. С. Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. М.; Л., 1968. Т. 15. С. 68.

⁴ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина (статья третья) / Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955. С. 228.

которые приписываются в этом апокрифе Батюшкову, вовсе не было в его характере»⁵. Кошелев обращает внимание на письма Батюшкова А. И. Тургеневу: «Ссылаюсь на маленького Пушкина, которому Аполлон дал чуткое ухо» [т. 2, с. 499] и Блудову: «Талант чудесный, редкий! Вкус, остроумие, изобретение, веселость... С прискорбием вижу, что он предается рассеянию со вредом себе и нам, любителям прекрасных стихов» [т. 2, с. 522].

По утверждению биографов Батюшкова, он был человеком и устремленным в свое время, и, одновременно, обогнавшим его.

«Литературные эпохи, – говорил Станислав Рассадин, – никогда не начинаются точно по календарю, они или спешат, или – чаще – запаздывают... Новое зреет в чреве старого, о чем чрево... само отнюдь не подозревает»⁶.

Сегодняшние литературоведы обращают внимание, что очерк Батюшкова «Прогулка по Москве», написанный им в 1811 году, – это типичный для 1840-х годов «физиологический очерк», что его наброски военных записок 1815 года и по характеру повествования, и по мыслям очень напоминают «военные рассказы» Льва Толстого, а «Подражания древним» 1821 года как бы предваряют художественные поиски акмеистов.

В начале XX века творчеством Батюшкова заинтересовался О. Мандельштам и оценил многие его достижения как основу достижений современного ему акмеизма: то, что Батюшков еще только «искал» в начале XIX века, «находилось» и востребовалось литературой много позже.

Наше мученье и наше богатство
Косноязычный, с собой он принес...

– писал Мандельштам. «Косноязычный» – вот так! – ведь Батюшков закладывал только самые начатки, самые основы будущих поисков, которые развернулись много позднее. Напомним: «Новое зреет в чреве старого, о чем чрево... само отнюдь не подозревает...»

Иногда произведения Батюшкова литературоведы именуют «историко-литературными парадоксами»: например, его сказка «Странствователь и Домосед» рассматривается как пародия на романтическую поэму, но... она появилась в 1815 году, когда самой романтической поэмы еще и не существовало в русской литературе.

«Как растолкуют это?» – спрашивал Батюшков в записной книжке и сам (в стихотворении «К друзьям») предлагал посмотреть на свое творчество как на

Историю моих страстей. Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья:
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял... [т. 1, с. 164].

Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде 18 мая 1787 года (по старому стилю), в семье среднепоместного дворянина Николая Львовича Батюшкова и его жены Александры Григорьевны, урожденной Бердяевой.

В «Российской родословной книге» П. А. Долгорукова род Батюшковых указан в числе старинных дворянских фамилий, «существовавших в России прежде 1600 года». По семей-

⁵ Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 265–266.

⁶ Рассадин С. Память сердца, или Русский безумец (Константин Батюшков) / Русские, или Из дворян в интеллигенты. М., 1995. С. 92–93.

ному преданию, родоначальником Батюшковых был татарский хан по имени Батыш. Он влюбился в русскую княжну, женился на ней и перешел на службу к московским князьям, приняв православие. Они владели поместьями возле Устюжны Железопольской.

Эта романтическая легенда ничем не подтверждается, но уже с начала XVI века Батюшковы числятся в дворянах, выполнявших ответственные поручения московских князей.

Морской кадетский корпус. Фото нач. XX в.

Ко времени рождения Константина его отец, надворный советник, служил в Вологде прокурором. В 1795 году он ушел в отставку в связи с тяжелым душевным заболеванием жены и увез ее на лечение в Петербург, где она и скончалась, когда Константину было всего семь лет.

Страшная болезнь её распростерлась над всем ее родом и поразила троих из пяти ее детей и даже правнука.

Константин знал о тяжелом этом наследии и часто мучился мыслью о неизбежном грядущем безумии.

«С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло с годами и чуть было не зачернило всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли – не знаю!» – это из письма В. А. Жуковскому 27 сентября 1816 года [т. 2, с. 405].

Не помня матери, он очень любил ее. В его элегии «Умиравший Тасс» одно из горьких мест – ранняя разлука с матерью (упоминаемый в элегии Асканий – это один из героев поэмы Вергилия «Энеида», потерявший мать).

Соренто! Колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,
Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний, —
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор, добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия... [т. 1, с. 255].

С 1791 по 1797 год будущий поэт живет в дедовском имении Даниловское Вологодской области на попечении деда Льва Андреевича, «мужа важного твердостью». Тот обладал характером крутым и упорным, был начитан и мог научить многому. Во всяком случае, русской грамоте научил Батюшкова дед.

Годы учения Константина проходили в Петербурге, в двух пансионах. Сначала, с 1797 по 1800 год, это был частный пансион Жакино, учителя французской словесности Сухопутного шляхетского корпуса. К сожалению, этот дом не найден. В книге «Литературные памятные места Ленинграда» указано только, что пансион этот занимал целый трехэтажный дом на набережной Невы у 5-й линии Васильевского острова. Затем, с 1801 по 1802 год, обучался в другом частном пансионе учителя Морского кадетского корпуса И. А. Триполи. Он жил в здании Морского кадетского корпуса на Васильевском острове по набережной Невы, между 11-й и 12-й линиями. Адрес этого дома известен – это дом № 17 на набережной Лейтенанта Шмидта. Длинное это здание классической архитектуры с десятиколонным портиком хорошо сохранилось. Здесь же, в квартире Триполи, находился и пансион.

Мальчик свободно владел французским и итальянским языками, сносно знал немецкий, английский, латынь, научился неплохо рисовать и начал интересоваться модными философскими течениями. В продолжение его учебы Николай Львович, отец поэта, в Петербурге не бывал и поручил надзор за ним своему дальнему родственнику Платону Аполлоновичу Соколову. С ним, П. А. Соколовым, связан и первый литературный опыт будущего поэта.

12 марта 1801 года на российский престол вступил Александр I. С его воцарением многие в России связывали большие надежды: «Дней Александровых прекрасное начало...»

Похвальные слова на воцарение Александра I пишут Державин, Карамзин, Шишков. 15 сентября 1801 года известный митрополит Платон (Левшин) произнес знаменитую речь на его коронацию. Константин Батюшков занялся переводом этой речи на французский язык. «В свободное время переводил я речь Платона... – пишет он отцу, – ... а как она понравилась Платону Аполлоновичу, то он хочет ее отдать напечатать. К оной присоединил я посвятельное письмо Платону Аполлоновичу, которое, как и речь, были поправлены Иваном Антоновичем [учителем]» [т. 2, с. 62]. К концу года брошюрка 14-летнего переводчика вышла из печати.

В это время мальчик очень много читает. Список книг, которые он просит отца прислать ему, поражает разнообразием. Здесь издания на французском, немецком, русском языках и совершенно разные по тематике. Уже в 15-летнем возрасте он запоем читал европейских писателей и мыслителей.

Позже, в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии», написанной в 1815 году, Батюшков так отозвался о своих переживаниях того времени: «Во время юности и огненных страстей каждая книга увлекает, каждая система принимается за истину, и читатель, не руководимый разумом, подобно гражданину в бурные времена безначалия, переходит то на одну, то на другую сторону» [т. 1, с. 153].

В 1802 году учение было закончено.

И вот первый шаг будущего поэта в самостоятельную жизнь:

Его сиятельству господину действительному тайному советнику, члену Государственного совета, сенатору, министру народного просвещения и кавалеру графу Петру Васильевичу Завадовскому. Из дворян Константина Николаева сына Батюшкова. Покорнейшее прошение.

В службе его императорского величества нигде я определен не состою, а как я имею совершенные лета, то посему, ваше сиятельство, покорнейше и осмеливаюсь просить о определении меня в канцелярию министерства,

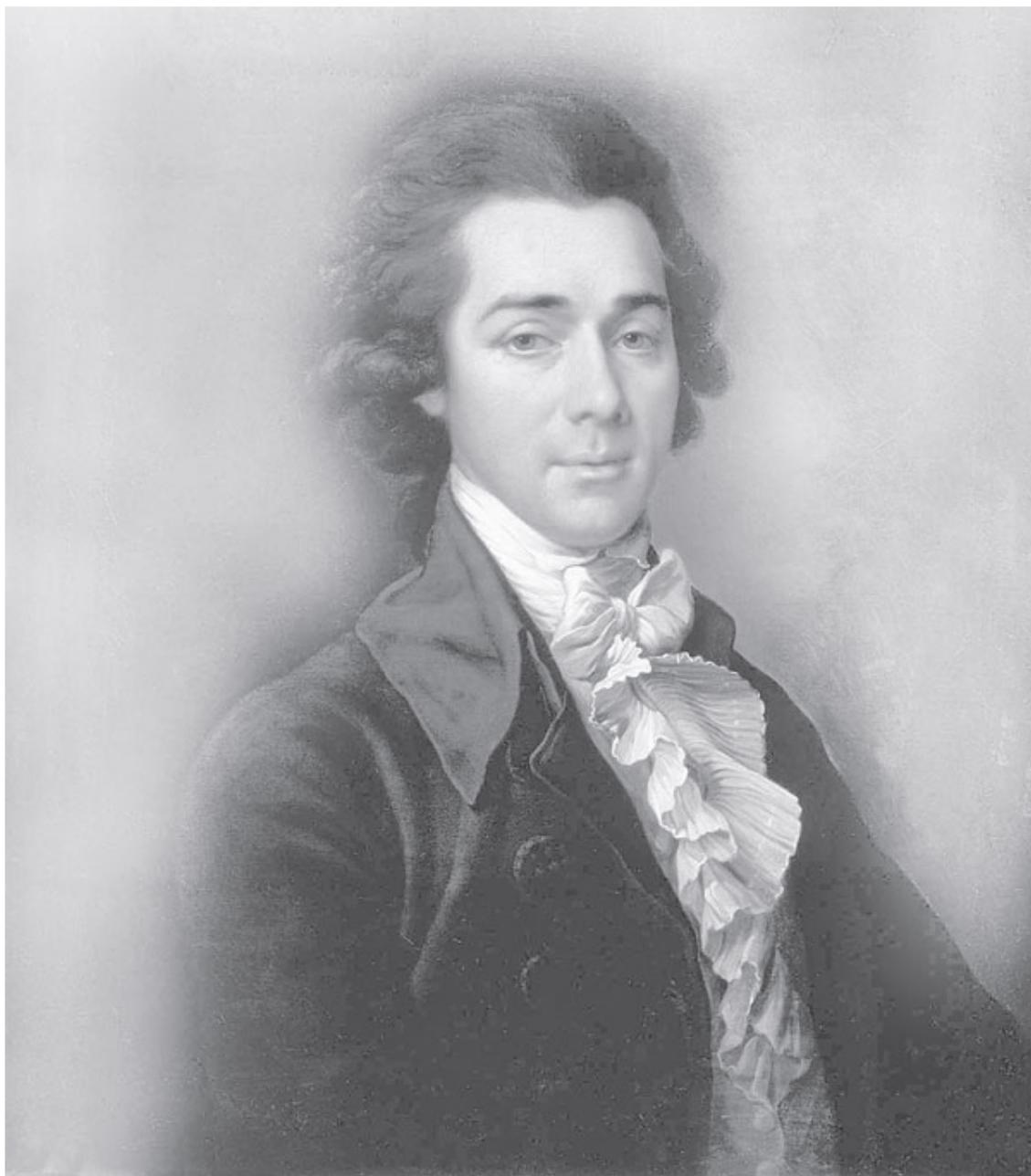
высочайше вашему сиятельству вверенного, без произведения мне жалованья, на собственное мое содержание.

К сему из дворян Константин Батюшков руку приложил.

Декабря... дня 1802.

Батюшков начал свою службу без жалования, в числе «дворян, положенных при департаменте Министерства народного просвещения». Через год ему был пожалован первый «табельный» чин коллежского регистратора.

А в 1804 году товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского университета, тайный советник Михаил Никитич Муравьев взял Батюшкова к себе на должность секретаря. «Я обязан ему всем, – писал Батюшков Жуковскому уже после смерти Муравьева, – и тем, может быть, что я умею любить Жуковского» [т. 2, с. 39].

Николай Александрович Львов

Если пройти от Екатерининского канала по бывшему Чернышеву переулку, теперь улице Ломоносова, и выйти на Садовую улицу, то на противоположной стороне, на углу справа, мы увидим торговые ряды Апраксина двора. Сегодня ничто уже не напоминает о том, что во времена Батюшкова здесь стояли здания только что созданного Министерства народного просвещения.

Михаил Никитич Муравьев, поэт, прозаик и просветитель конца XVIII столетия, приходился Константину Батюшкову двоюродным дядей. К сожалению, это имя очень мало известно современному читателю. Лишь в конце 1930 годов литературоведы обратили серьезное внимание на этого замечательного поэта-новатора.

Родился Михаил Никитич в 1757 году. Его отец, военный инженер, часто менял места службы. Сына и дочь он возил с собой. Из-за частых этих переездов будущий поэт систематического образования так и не получил: лишь полтора года он проучился в гимназии при Московском университете да несколько месяцев (до начала 1770 года) – в самом Университете. Однако это отсутствие единого и цельного образования не помешало М. Н. Муравьеву стать одним из образованнейших людей своего века. Еще в Оренбурге 5-летний Михаил учится немецкому языку и математике. На акте в гимназии при Московском университете 17 декабря 1769 года (в 12 лет!) он произнес «признательные речи» на французском и немецком языках. Живя в Архангельске (в 1770 году – ему 13 лет!), он ведет переписку со своим старшим товарищем по оставленному университету, который шлет ему краткие конспекты лекций по философии.

В 1772 году М. Н. Муравьев становится солдатом Измайловского полка. А за три года до него в бомбардирскую роту Измайловского полка поступил Николай Александрович Львов – замечательный деятель русской культуры второй половины XVIII века, в этом же полку служил будущий писатель и переводчик Николай Петрович Осипов. Оба они посещали полковую школу, учрежденную генерал-поручиком А. И. Бибиковым, переводчиком французской Энциклопедии, который, по словам Г. Р. Державина, «любил науки и Поэзию». За год до Муравьева в Измайловский полк нижним чином был принят будущий поэт и драматург Василий Васильевич Капнист, впоследствии друг и родственник Львова, – интересным был этот полк!

И вот в октябре 1772 года в полковую школу Бибикова вступает Михаил Никитич Муравьев. Во время прохождения службы он посещает в Академии наук лекции лучших профессоров, в том числе крупнейшего европейского математика Леонарда Эйлера и адъюнкта Академии Л. Ю. Крафта. Одновременно он проходит курс механики, физики, истории и естественных наук. Занимается живописью, часто бывает в Академии художеств, изучает греческий, английский, итальянский языки, ходит в театры, рисует, пишет стихи.

Биограф Н. А. Львова Александр Николаевич Глумов высказывает предположение, что Львов, может быть, и был инициатором этих занятий. Во всяком случае, в рукописном фонде Олениных Российской национальной библиотеке есть рукопись Муравьева «Жизнь Николая Александровича Львова», где Михаил Никитич называет Львова в числе своих учителей.

Того и другого объединяла любовь к мировой литературе. Муравьев давно уже писал стихи и пробовал свои силы в переводах. Теперь он начал заниматься античной философией, общественными науками и написал «Письмо о теории движения». Идеалом для него был М. В. Ломоносов.

Приезжая в Москву, Львов навещал отца Михаила Никитича – Никиту Артемовича Муравьева, который писал сыну, чтобы тот «искал дружбы» этого человека. Михаил Никитич был моложе Львова на шесть лет. После смерти Н. А. Львова Муравьев написал «Краткое сведение о жизни г-осподина тайного советника Львова», которое закончил такими словами: «величественный Державин, остроумный Капнист, уважали знания его».

В 1773–1775 годах (Муравьеву 16–18 лет!) выходят из печати семь его книг: «Басни в стихах», «Переводные стихотворения», «Слово похвальное Михайле Васильевичу Ломоносову» и др. Литературные круги Петербурга приветливо встречают способного юношу. Его наставником в поэзии становится поэт Василий Майков, ему покровительствует Михаил Херасков и приглашает для сотрудничества в своем журнале Николай Новиков. В это же время он начинает перевод «Илиады» Гомера, следуя стихотворному размеру подлинника, знакомится с актером и драматургом И. А. Дмитриевским, поэтами В. В. Капнистом, Я. Б. Княжнинным, сближается с Г. Р. Державиным.

В 19 лет Муравьева принимают в члены Вольного российского собрания при Московском университете.

А продвижение по службе идет неуспешно. Он дослуживается всего до звания прапорщика и записывает в дневнике: «Гвардии прапорщиком я <стал> поздно, и своим величеством могу удивлять только капралов».

Кто-то обращает внимание Екатерины II на незаурядного, образованного прапорщика. Его переводят во дворец и с ноября 1785 года зачисляют в «кавалеры» и наставники великих князей Александра и Константина Павловичей. Он преподает им русскую словесность, русскую историю и нравственную философию, а после приезда в 1792 году невесты Александра обучает русскому языку будущую императрицу Елизавету Алексеевну.

В феврале 1796 года, по окончании воспитания цесаревича Константина, Муравьев был уволен от службы в чине бригадира и перешел в статскую службу. В 1800 году он становится сенатором, а в 1801-м, после восшествия на престол его воспитанника Александра I, – статс-секретарем по принятию прошений. В 1803 году он уже тайный советник, товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского университета. Во времена Муравьева при университете были организованы научные общества и институты, создан ботанический сад, началось издание «Московских ученых ведомостей».

Вот он-то и берет под свою опеку двоюродного племянника Константина Батюшкова.

Константин Николаевич Батюшков

В «муравейнике», как называли дом Муравьёва, очень ценились родственные связи. Михаил Никитич – мягкий и «домашний», обворожительная и ласковая тетушка Катерина Федоровна, замечательная обстановка большой петербургской квартиры. Всё это здесь, на месте нынешнего Апраксина двора...

«В 1802 году Батюшков вошел в эту квартиру легко и просто – и остался в ней на правах „своего“, на положении „любимчика“ и „баловня“», – пишет в своей книге о Батюшкове его биограф В. Кошелев. Муравьёву был обязан Батюшков и знанием латинского языка, и ранним развитием литературного вкуса. Под руководством Муравьёва он стал интересоваться и изучать классическую древность – читал Горация, Тибулла.

В начале XIX века возникло новое явление в общественной жизни – литературные салоны с хозяйкой во главе. В это время считалось, что женщина «хорошего общества» может быть основным арбитром литературного вкуса. На вырабатываемый в таких салонах язык без вульгаризмов, но и очищенный от книжной речи и профессиональных жаргонов,

ориентировался Н. М. Карамзин, реформируя литературный язык. Даже Бестужев, писатель нового поколения, пропагандируя русскую словесность, обращается к «читательницам и читателям». Так и обозначено на титульном листе знаменитой «Полярной звезды».

Эта перемена вкусов серьезно отразилась и в новой литературе. «Стихи твои, – пишет Батюшков Гнедичу, – будут читать женщины, а с ними худо говорить непонятным языком... я думаю, что вечер, проведенный у Самариной или с умными людьми, наставит более в искусстве писать, нежели чтение наших варваров» [т. 2, с. 103].

Анна Петровна Квашнина-Самарина была одной из первых салонных «законодательниц». Дочь сенатора и фрейлина Екатерины II, она не вышла замуж, так как очень дорожила своей свободой. В кружке ее почитателей были и Державин, и Капнист. Державин пробовал даже ухаживать за ней, но был вынужден отступить: «Она так постоянна, как каменная гора; не двинется и не шелохнется от волнуемой моей страсти».

Салон Самариной стал прообразом будущих литературных обществ. Батюшков попал в него 17–18-летним юношей и был очарован. «Поклонись Самариной: я душой светлею, когда ее вспоминаю», – пишет он Гнедичу в декабре 1810 года [т. 2, с. 151].

В «раннем оленинском кружке», или, по мнению В. М. Файбисовича⁷, кружке Озерова, Оленина и Шаховского А. П. Квашнина-Самарина занимала достаточно видное место: при его крушении, по образному выражению К. Н. Батюшкова, «одна Самарина осталась, как колонна между развалинами...» [т. 2, с. 96].

В этом обществе прислушивались и к голосу молодого Батюшкова: «...наряду с Н. И. Гнедичем и В. А. Озеровым, Батюшков был одним из ярких выразителей художественных поисков этого кружка в литературе первого десятилетия XIX века», – считает его биограф Вячеслав Кошелев⁸.

В 1804–1806 годах Батюшков был увлечен Прасковьей Михайловной Ниловой, женой тамбовского помещика, которая приходилась дальней родственницей Державину, так характеризовавшего ее:

Белокурая Параша,
Среброцветное лицо,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом⁹.

Батюшков в письме к Гнедичу так писал о «белокурой Параше»: «Которая... которую... ее опасно видеть!» [т. 2, с. 115].

Так появлялись первые стихи.

Весной 1805 года написано «Послание к Н. И. Гнедичу», где 18-летний Батюшков так представляет свое времяпрепровождение:

А друг твой славой не прельщался,
За бабочкой, смеясь, гонялся,
Красавицам стихи любовные шептал
И, глядя на людей – на пестрых кукол, – мечтал:
«Без скуки, без забот не лучше ль жить с друзьями,
Смеяться с ними и шутить,

⁷ Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 238.

⁸ Батюшков. Исследования и материалы. Сборник научных трудов / Научный редактор и составитель Р. М. Лазарчук. Череповец, 2002. С. 349.

⁹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2. Стихотворения. Ч. II. С. 184–186.

Чем исполинскими шагами
За славой побежать и в яму поскользится?» [т. 1, с. 349].

Батюшков считает поэта существом, живущим в двух мирах: в повседневности и в мире мечты:

Мы, право, не живем
На месте все одном,
Но мыслями летаем,
То в Африку плывем,
То на развалинах Пальмиры побываем,
То трубку выкурим с султаном иль пашой... [т. 1, с. 350].

В это время – в начале 1800-х годов – литературные общества стали появляться в столичных и провинциальных городах. Первым по времени явилось Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. И Константин Батюшков был принят туда 17-летним юношей. Первое опубликованное его стихотворение появилось в журнале «Новости русской литературы», в январской книжке 1805 года. Это так называемая сатира в подражание французским поэтам: «Послание к стихам моим». В этой сатире есть и стихотворные выпады против писателей-современников. Сатира Батюшкова появилась в печати почти сразу после выхода в свет «Рассуждения о старом и новом слоге» А. С. Шишкова, в котором тот резко нападал на Карамзина и утверждал тождество церковнославянского и русского языков.

Работа Шишкова открыла долгую литературную борьбу, а сатира Батюшкова стала одним из первых ответных выпадов против утверждений Шишкова.

В марте 1803 года в Департамент народного просвещения, где служил Батюшков, поступил «на вакансию писца» высокий человек в аккуратном, но стареньком сюртучке. Он был одноглаз и его правильное, красивое лицо было изрыто следами оспы. Звали его Николай Иванович Гнедич. Их знакомство вскоре перешло в дружбу, длившуюся всю жизнь.

Николай Иванович Гнедич

Гнедич происходил из бедной дворянской семьи с Полтавщины. Пять лет провел в семинарии. Кто-то из семинарского начальства обратил на способного юношу внимание и Гнедич был переведен в харьковский «коллегиум», который блестяще окончил в 1800 году. Он мог стать либо священником, либо учителем. Но Гнедич выбрал третью дорогу – Московский университет. «Он замечателен был, – вспоминал соученик Гнедича по университету С. П. Жихарев, – неутомимым своим прилежанием и терпением, любовью к древним языкам

и страстью к некоторым трагедиям Шекспира и Шиллера, из которых наиболее восхищался „Гамлетом“ и „Заговором Фиеско“»¹⁰.

Именно «Заговор Фиеско в Генуе» Шиллера стал первым литературным переводом Гнедича, который доставил ему литературную известность в 1802 году. Тогда же он вынужден был оставить университет, так как необходимо было зарабатывать на жизнь. Гнедич переехал в Петербург и несколько лет вел жизнь почти нищенскую, перебиваясь заработками писца и литературой. Несмотря на то что литература не давала средств к безбедному существованию, Гнедич все же избрал для себя долю литератора.

Где-то около 1806 года Батюшков и Гнедич решили приняться за поэтические переводы выдающихся произведений мировой литературы.

Гнедич принялся за перевод «Илиады» Гомера, Батюшков – «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо. И тот, и другой были влюблены в подлинники; и тот, и другой великолепно знали языки: один – греческий, другой – итальянский.

Гнедич переводил «Илиаду» двадцать лет, совершив литературный подвиг. Интерес к «Илиаде» возник в России ещё в XVIII веке. В 1787 году предшественник Гнедича, Ермил Иванович Костров, издал первые шесть песен «Илиады» в переводе александрийским стихом. Гнедич взялся за перевод «Илиады» с того места, на котором остановился Костров. Перевел три песни и понял, что александрийский стих для этого перевода не годится. Он создал русский гекзаметр – и, перечеркнув свой труд нескольких лет, вновь принялся за перевод, который, бесконечно переделывая, выпустил в свет только в 1829 году в размере оригинала – гекзаметром...

Батюшков много читал и сочинения Тассо, и о Тассо, но непосредственную работу над переводами все откладывал.

К переводу «Освобожденного Иерусалима» он приступил лишь в 1808 году, находясь при этом на войне в Финляндии. В следующем году закончил перевод первой песни (до нас дошел лишь отрывок), перевел еще несколько отрывков из разных мест поэмы, но... на этом остановился. И как ни сердился на него Гнедич, как ни уговаривал продолжать – перевод далее не двинулся. Гнедич в послании «К К. Н. Батюшкову» приглашает его:

Туда, туда, в тот край счастливый,
В те земли солнца полетим,
Где Рима прах красноречивый
Иль град святой, Ерусалим¹¹.

Батюшков написал ответ на это послание: друг Гнедича поэт Батюшков «отслужил слепой богине, / Бесплодных матери сует». Он «покинул мирт и меч сложил», а теперь живет и – «безвестностью доволен» [т. 1, с. 217]. В облике и судьбе Торквато Тассо Батюшкова поражали многие и, как ему казалось, родственные и ему самому черты. Привлекали, поражали и пугали: он знал о тяжком своём наследии и часто мучился мыслью о неизбежном грядущем безумии.

Тассо родился в Соренто, вблизи Неаполя, у лазурного моря. В детстве он, как и Батюшков, потерял мать. Потом началась странническая жизнь – переезды из города в город. Батюшков же прошел три войны. Блестящая поэтическая слава у того и другого. Батюшкова потрясала несправедливость судьбы к великому поэту, автору «Ринальдо» и эпопеи о Первом крестовом походе. В 1575 году Торквато Тассо окончил эпическую поэму «Освобожденный Иерусалим», но она была подвергнута суду инквизиции...

¹⁰ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 190.

¹¹ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956.

Двадцать лет Торквато Тассо боролся с безумием: вспышки гнева, подозрительности, страха. Семь лет он провел в больнице для умалишенных в Ферраре, когда все думали, что это просто месть герцога поэту за несколько несдержанных слов. Многие современники ему сочувствовали, иностранные писатели стремились повидать его; у него побывал Мишель Монтень. Но и в больнице, и в новых скитаниях (иногда пешком) он пишет прекрасные стихи. В Милане, Флоренции, Неаполе и Риме его встречают с великим почетом. Папа Климент VIII готовит в Риме неслыханное со времен Петрарки торжество – увенчание поэта, по древнеримскому обычаю, лавровым венком на Капитолии. Тассо не дождался своего триумфа. Он умер в келье римского монастыря Св. Онуфрия.

Гнедич, особенно в этот период, был первым поверенным сочинений Батюшкова. Почти каждое свое сочинение Батюшков посылал ему, а уж Гнедич, если оно ему нравилось, отдавал в журналы.

Но еще большую роль в воспитании таланта поэта Батюшкова сыграли сочинения М. Н. Муравьева. Тот начинал как ученик «классиков» – Ломоносова и Сумарокова, а затем стал единомышленником Карамзина и Жуковского. Его наследие постигла участь, характерная для творчества поэтов переходного периода: «классики» отвернулись от него, а сентименталисты и романтики оценили только после смерти.

Благоговейное отношение к памяти М. Н. Муравьева, умершего в 1807 году, было характерно не только для Батюшкова и Гнедича, но и для Карамзина, Жуковского и их окружения.

Начав писать как бы «для себя», Муравьев отошел от высокой оды и попробовал взглянуть на окружающий мир не в плане классицистической традиции «Отечество, народ, человечество», а, убежденный в безусловной ценности личности, считал необходимым обосновать положение в мире отдельного человека. Место оды занимают интимный жанр, лирические мотивы. В поэзии Муравьева появляются эпитеты и сочетания, вошедшие впоследствии в лирику и Карамзина, и Жуковского, и Батюшкова¹².

Вот прямая перекличка:

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красках
Одеянье скромной спальни
И Амуры на часах.

– это Муравьев, «Богине Невы». А вот Батюшков, «Ложный страх»:

Ты пугалась; я смеялся,
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за все ручался,
И Амуры на часах».

Перекличку с Муравьевым находим и у Пушкина в «Евгении Онегине». Муравьев, «Богине Невы»:

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный Пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

¹² Кошелев В. А. Константин Батюшков. С. 53.

У Пушкина:

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит.

«Дом Муравьевых» никогда не считался особенно открытым. В «муравейнике» очень ценились родственные связи. Дальним же свойственником Муравьевых был молодой петербургский вельможа Алексей Николаевич Оленин. У Оленина была большая семья, но, в отличие от Муравьевых, открытый дом. «Это имя, – пишет об А. Н. Оленине С. Т. Аксаков, – не будет забыто в истории русской литературы. Все без исключения русские таланты того времени собирались около него, как около старшего друга...»¹³.

В книге Яцевича «Пушкинский Петербург» сказано, что дома № 97, 99 и 101 получили в качестве приданого дочери Агафоклии Александровны Полторацкой. В начале XIX века дома под № 97 и 101 принадлежали ее дочери Елизавете Марковне, вышедшей замуж за А. Н. Оленина. Здесь происходили очень интересные события, но сведения о времени проживания там Олениных очень противоречивы. Впервые этот вопрос был исследован В. М. Файбисовичем, автором научной биографии Оленина. Как выяснилось, нынешний дом № 101, построенный в 1790–1793 гг. и который, собственно, и был приданым Елизаветы Марковны, Оленины занимали только до 1813 года. В этом году их собственностью стал дом № 97. Там, вплоть до 1819 года, и жила семья Олениных. Именно здесь бывал у них Пушкин. Именно здесь и произошло «чудное мгновенье» – встреча с А. П. Керн, которую до недавнего времени относили к дому № 101.

¹³ Аксаков С. Т. Биография М. Н. Загоскина. М., 1853. С. 12.

Алексей Николаевич Оленин

Что же касается К. Н. Батюшкова, то он бывал у Олениных и в том, и в другом доме, и на знаменитой их даче в Приютино. И всюду принимали его с большим удовольствием.

Со стороны матери А. Н. Оленин принадлежал к княжескому роду Рюриковичей, со стороны же отца – к скромному роду служилого дворянства, насчитывающему немногим более сотни лет.

Первоначальное образование Алексей Николаевич получил дома, а в 1774 году (12 лет от роду) зачислен в Пажеский корпус. Ко времени вступления А. Н. Оленина Пажеский корпус – прежде всего придворное учреждение, и юные дворяне зачислялись туда не столько для учебы, сколько для несения придворной службы с получением жалования. Что же касается Оленина, то он-то хотел учиться. В 1777 году в ежегоднике «Памятники культуры. Новые

открытия» было опубликовано специальное исследование, посвященное списку книг юного пажа, насчитывающему 50 наименований.

После шести лет обучения в Пажеском корпусе он, в 1780 году, по высочайшему повелению, направляется «в Саксонию, в город Дрезден, для обучения воинским и словесным наукам в тамошней Артиллерийской школе». В Дрездене Оленину оказывает покровительство его дальний родственник – русский посланник князь Александр Михайлович Белосельский, впоследствии Белосельский-Белозерский, человек талантливый, разносторонне образованный и по происхождению прямой Рюрикович¹⁴. По словам Варвары Алексеевны Олениной, дочери Алексея Николаевича, князь Белосельский был «решительно ему отцом».

Князю Александру Михайловичу Белосельскому-Белозерскому у нас посвящена отдельная глава в книге «По Фонтанке. Из истории петербургской культуры».

Вскоре после возвращения из Дрездена А. Н. Оленин поступил на действительную службу, где пробыл около 10 лет. Военная карьера завершилась в 1795 году. Он был «при отставке пожалован полковником».

Еще до выхода в отставку Оленин сблизился с львовско-державинским кружком, куда его ввели В. В. Капнист и Н. А. Львов. По свидетельству поэта, баснописца и крупного сановника И. И. Дмитриева, «Н. А. и Ф. П. Львовы, А. Н. Оленин и П. А. Вельяминов составляли почти ежедневное общество Державина».

В отличие от Г. Р. Державина, великого поэта, который считал себя в первую очередь человеком государственным, служебная карьера не представляла для А. Н. Оленина главного смысла жизни, хотя он и был крупным сановником: секретарем Государственного совета и многих комитетов и комиссий. «Этот достойный сановник, – пишет о нем С. С. Уваров, – был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе он все свободное время посвящал своим любимым предметам. Может быть, ему не доставало вполне этой быстрой, наглядной сметливости, этого утонченного пронизательного чувства, столь полезного в деле художеств, но пламенная его любовь ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов, много содействовала успехам русских художников».

Страстный коллекционер, он стал первым директором и фактическим устройщиком Публичной библиотеки в Петербурге, куда в 1811 году на должность помощника библиотекаря им был принят Н. И. Гнедич, а в 1812 г. на такую же должность – И. А. Крылов.

Разносторонние интересы Оленина побуждали его включать в собрание библиотеки разного рода редкости непрофильного характера, и в 1815 году К. Н. Батюшков преподнес библиотеке два мамонтовых клыка, найденных в Тверской губернии. Такое включение в собрание библиотек естественнонаучных и этнографических памятников, считает В. М. Файбисович, автор монографии об А. Н. Оленине, было данью традициям XVIII в., когда библиотеки соединялись с кабинетами редкостей.

Еще в Страсбурге и Дрездене, где он учился на артиллерийского офицера, Оленин пристрастился к пластическим искусствам. Он был неплохой рисовальщик и гравер, а заведывая с 1797 года Монетным двором, познакомился и с медальерным искусством. Когда в 1817 году он стал президентом Академии художеств, известие это было воспринято в обществе с большой радостью. К. Н. Батюшков писал Оленину из деревни, что «вместе со всеми умными, просвещенными и здоровыми рассудком людьми» [т. 2, с. 444] радуется назначению его президентом Академии художеств. Сам император покровительствовал ему и называл тысячеискусником – «Tausendkünstler».

В доме Олениных на Фонтанке и в пригородной усадьбе Приютино встречались дипломаты и ученые, писатели и художники. «Нигде нельзя было встретить столько свободы, удо-

¹⁴ См. о нем: *Айзенштадт В., Айзенштадт М.* По Фонтанке. Страницы истории петербургской культуры. М.; СПб, 2006.

вольствия и пристойности вместе, – писал Ф. Ф. Вигель, – ни в одном семействе – такого доброго согласия, такой взаимной нежности, ни в каких хозяевах – столько образованной приветливости»¹⁵.

Батюшков как-то сразу стал у Олениных «своим». «Любезный мой Константин, хотя не порфирородный, но пиитоприродный», – писал ему Оленин¹⁶. В конце февраля 1807 года Батюшков внезапно и неожиданно для всех оставил Петербург, удобную квартиру у М. Н. Муравьева и выехал в Прусский поход в качестве сотенного начальника Петербургского милиционного батальона. Слово «милиция» означало тогда «войско, формируемое из граждан только на время войны», то есть народное ополчение.

16 ноября 1806 года Александр I подписал манифест о войне с Францией. Русские войска под командованием Беннигсена, вступив в Пруссию, нашли ее почти безоружной и чуть не всю завоеванную Наполеоном. Русская армия оказалась в изоляции, одна против гораздо более сильных войск французов. А к этому времени Россия еще не вполне выпуталась из Персидской кампании.

Вот тогда-то, 30 ноября 1806 года, и вышел манифест императора о создании народного ополчения. Патриотический подъем в стране был небывалым. Молодые дворяне охотно шли в ряды ополченцев. В адрес милиционных округов поступало большое количество пожертвований: деньги, драгоценности, недвижимое имущество... Прелюдия к «грозе двенадцатого года», когда, как писал В. А. Жуковский,

...явилось все величие народа,
Спасаящего трон, и святость алтарей,
И древний град отцов, и колыбель детей¹⁷.

Общий этот поток подхватил, видимо, и Батюшкова. 17 февраля 1807 года он пишет отцу: «...Падаю к ногам твоим, дражайший родитель, и прошу прощения за то, что учинил дело честное без твоего позволения и благословения, которое теперь от меня требует и Небо, и земля...» [т. 2, с. 66].

Ужели слышать все докучный барабан?
Пусть дружество еще, проникнув тихим гласом,
Хотя на час один соединит с Парнасом
Того, кто невзначай Ареев вздел кафтан
И с клячей величавой
Пустился кое-как за славой¹⁸.

28–29 мая произошло сражение под Гейльсбергом.

О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,

¹⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 327–328.

¹⁶ Цит. по: Кошелев В. А. Константин Батюшков. С. 57.

¹⁷ Жуковский В. А. Собрание сочинений в четырех томах. М.; Л., 1959–1960. Т. 1. С. 199.

¹⁸ Батюшков К. Н. Н. И. Гнедичу / Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 241.

Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла, как мечта!..

«Воспоминание» [т. 1, с. 366–368].

В официальных документах отмечается «отменная храбрость» губернского секретаря Батюшкова. В воспоминаниях А. С. Стурдзы написано, что поэта «вынесли полумертвого из груди убитых и раненых товарищей»... Пуля пробила Батюшкову бедро и, вероятно, повредила спинной мозг. Во всяком случае, именно эта рана стала главной причиной многочисленных болезней и недугов Батюшкова.

Потом в его жизни будут еще и войны, и сражения, но ни разу не будет он ни ранен, ни контужен.

Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным...

При Гейльсберге русские солдаты дрались геройски, но полководцы не сумели воспользоваться победой: армия отступила. 25 июня 1807 года в Тильзите был заключен мир. Батюшкову не пришлось стать свидетелем поражения. Он был помещен в юрбургский госпиталь, а затем перевезен в Ригу. «Не тревожьтесь о моем теперешнем состоянии, — пишет он сестрам, — Хозяин дома Мюгель — самый богатый торговец в Риге. Его дочь очаровательна, мать добра, как ангел: все они меня окружают и для меня музицируют...» [т. 2, с. 72].

Леонид Николаевич Майков, самый фундаментальный из биографов Батюшкова пытался отыскать в Риге следы этой семьи, но его поиски оказались безрезультатны.

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе, и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени домашних где богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел пред собою,
Как утешителя, как ангела небес!..
<...>

Черты Эмилии находят специалисты во многих стихах Батюшкова (так называл ее Батюшков в своих стихах, но может быть это условное поэтическое имя, как Хлоя или Мальвина).

Я помню утро то, как слабою рукою,

Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я в первый раз узрел цветы и древеса...
Какое счастье с весной воскреснуть ясной!
(В глазах любви еще прелестнее весна.)
Я, восхищен природой красной,
Сказал Эмилии: «Ты видишь, как она,
Расторгнув зимний мрак, с весною оживает,
С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;
Что б было без весны?.. Подобно так и я
На утре дней моих увял бы без тебя!»
Тут, грудь ее кропя горячими слезами,
Соединив уста с устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна!
<...>
И я, обманутый мечтой,
В восторге сладостном к ней руки простираю,
Касаюсь риз ее... и тень лишь обнимаю! [т. 1, с. 366–368].

27 сентября 1807 года вышел манифест Александра I о роспуске милиции. Батюшков решил остаться в армии.

Он снова в Петербурге. Военная служба началась не очень удачно: осенью он тяжело заболел и хворал всю зиму. Из письма А. Н. Оленину: «Вы просиживали у меня умирающего целые вечера, искали случая предупредить мои желанья...» [т. 2, с. 84]. В эту зиму Батюшков особенно сблизился с семейством Оленина. Он почти ничего не пишет. Публикует лишь басню «Пастух и Соловей», посвященную драматургу В. А. Озерову, но тем не менее становится уже заметной фигурой в российской словесности.

«Прелестную его басню, – откликается Озеров в письме к Оленину, – почитаю истинно драгоценным венком моих трудов. Его самого природа одарила всеми способностями быть великим стихотворцем»¹⁹.

Были замечены и его военные подвиги.

Рескрипт

*«Господин губернский секретарь Батюшков! В воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражении прошедшего мая 29-го при Гейльсберге и Лаунау противу французских войск, где вы, находясь впереди, поступали с особенным мужеством и неустрашимостью, жалую вас кавалером ордена святыя Анны третьего класса, коего знак у сего к вам доставляю; повелеваю возложить на себя и носить по установлению; уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей. Пребываю вам благосклонный
Александр
С.-Петербург, 20 мая 1808»²⁰.*

Но вскоре Константин Николаевич Батюшков снова на войне, теперь – русско-шведской. По условиям Тильзитского мирного договора Россия должна была примкнуть к Франции в континентальной блокаде Англии. 28 января 1808 года снова начались военные действия, на этот раз против Швеции, отказавшейся участвовать в блокаде. А территория

¹⁹ Русский архив. 1869. № 2. С. 137.

²⁰ РНБ. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 2. Цит. по: Кошелев. Константин Батюшков. С. 73.

Швеции в то время распространялась и на Финляндию. К лету почти вся Финляндия была очищена от шведских войск. Затем вой на затянулась. Александр I сменил командование и выслал значительное подкрепление, в числе которого был отправлен и батальон гвардейских егерей, где прапорщик Батюшков, решивший остаться в армии, состоял в должности адъютанта.

Здесь, в Финляндии родился первый опыт Батюшкова в прозе – цитируемый здесь и далее «Отрывок из писем русского офицера из Финляндии» [т. 1, с. 93–99].

«Какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утружденных ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды! Какой предмет для живописи и сии великие огни, здесь и там раскладенные, вокруг которых воины толпятся в часы холодной ночи! Этот лес, хранивший безмолвие, может быть, от создания мира, вдруг оживляется при внезапном пришествии полков... Вскоре гласы умолкают; огонь пылающих костров потухает; ратники почили, и прежнее безмолвие водворилось; изредка прерываемо оно шумом горного водопада или протяжными откликами часовых, расположенных на ближних вышинах против лагеря неприятельского; месяц, склонясь к своему западу, освещает уже безмолвный стан».

1 ноября 1808 года он пишет сестрам из Иденсальми: «Приезжаю в батальон, лихорадка мучит 7 дней. Прикладываю мушку к затылку; кричат: „Тревога!“ Срываю, бегу в дело – и подивитесь, друзья мои, теперь здоров... Я оставался со своей ротой в резерве, но был близ неприятеля. Что бог вперед даст, не знаю»...

Но когда нет сражения, в нем просыпается художник:

«Куда ни обратишь взоры, везде, везде встречаешь или воды, или камни. Здесь глубокие, длинные озера омывают волнами утесы гранитные, на которых ветер с шумом качает сосновые рощи; там – целые развалины древних гранитных гор, обрушенных подземным огнем или разлитием океана... Леса финляндские непроходимы; они растут на камнях. Вечное безмолвие, вечный мрак в них обитает... Здесь на каждом шагу встречаем мы или оставленную батарею, или замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминание о древних рыцарях; или передовой неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно протекших, – пагубные следы войны и разрушения!»

Дела русских войск в Финляндии осложнились. Шведы подняли финнов на партизанскую войну. Они заваливали камнями и бревнами дороги, жгли деревни, припасы, теряя при этом огромное число людей.

«Теперь, – писал Батюшков, – всякий шаг в Финляндии ознаменован происшествиями, которых воспоминание и сладостно, и прискорбно. Здесь мы победили; но целые ряды храбрых легли, и вот их могилы! Там упорный неприятель выбит из укреплений, прогнан; но эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа – и смерть!»

Батюшков уже не воспринимает войну однозначно. Любая победа заставляет его задуматься о цене ее. Но он художник...

«Здесь царство зимы... Едва соседняя скала выказывает бесплодную вершину; иней падает в виде густого облака; деревья при первом утреннем морозе блистают радугой, отражая солнечные лучи тысячью приятных цветов. Но солнце, кажется, с ужасом взирает на опустошения зимы; едва явится, и уже погружено в багровый туман, предвестник сильной стужи. Месяц в течение всей ночи изливает сребряные лучи свои и образует круги на чистой лазури небесной, по которой изредка пролетают блестящие метеоры. Ни малейшее дуновение ветра не колеблет дерев, обеленных инеем: они кажутся очарованными в своем новом

виде. Печальное, но приятное зрелище – сия необыкновенная тишина и в воздухе, и на земле!»

Исследователь жизни Батюшкова Петр Паламарчук считает, что в поэзии и прозе Батюшкова есть некая «лунная» тайна, без которой многие его произведения лишились бы во многом своей трагической глубины.

С наступлением весенней распутицы шведская кампания снова приняла затяжной характер. Батюшков, страдая от болезней, а еще больше от безделья и одиночества, подал в отставку. Надо было ждать решения из Петербурга.

Из письма К. Н. Батюшкова к А. Н. Оленину (24 марта 1809 года, Надендаль): «Здесь так холодно, что у времени крылья примерзли. Ужасное единообразие. Скука стелется по снегам, а без затей сказать, так грустно в сей дикой, бесплодной пустыне без книг, без общества и часто без вина, что мы середины с воскресеньем различить не умеем. И для того прошу вас покорнейше приказать купить мне Тасса (которого я имел несчастье потерять) и Петрарка, чем меня чувствительнейше одолжить изволите...» [т. 2, с. 84].

«В каком ужасном положении пишу к тебе письмо сие! – это Гнедичу. – Скучен, печален, уединен. И кому поверю горести раздранного сердца? Тебе, мой друг, ибо все, что меня окружает, столь же холодно, как и самая финская зима, столь же глухо, как камни» [т. 2, с. 84].

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашею прохлад
Ужель вкушать не буду боле?..

«Совет друзьям» [т. 1, с. 355].

Наконец, в начале июня 1809 года, вышла отставка, и Батюшков «полетел» в Петербург, а около 10 июля он был уже в своем Хантонове Новгородской волости – имении, унаследованном от матери. От этой усадьбы сейчас почти ничего не сохранилось: последние следы парка были уничтожены, по неведению, в 1974 году... На месте усадьбы стоит высоковольтная вышка; бывшие уступы засеяны льном.

На театре же войны со Швецией, после длительных переговоров, в сентября 1809 года был подписан мирный договор, по которому Швеция уступала России Финляндию.

А Батюшков живет в своем полуразрушенном господском доме с двумя незамужними сестрами. Очень красивая природа.

«Это был тихий и величавый уголок русского Севера, – пишет в книге «Константин Батюшков» Вячеслав Кошелев. – Огромный живописный холм „у волн Шексны“. На холме вырыты декоративные уступы. На самом верху – дом и флигелек... Рядом... – липовая аллея и два декоративных пруда прямоугольной формы. Возле – сирени, акации, заросшие аллеи... На втором уступе – цветник. Цветы на куртинах станут потом особой заботой поэта, привозившего и посылавшего отовсюду новые диковинные семена. Нижний уступ – парк в английском роде...».

Сегодняшние старожилы Хантонова особенно вспоминают его. „Клены диковинные, липы, рядочками посаженные, еще какие-то деревья, сирень и еще другие кусты, а поодаль – крупный ельник, голубые ели рядочками посажены“.

Добираться до Хантонова долго и тяжело. Дорога едва проезжая: леса и леса, болота и болота. До ближайшего губернского города – Вологды – сто с лишним верст²¹.

А когда-то Жуковский писал сюда Батюшкову:

²¹ Кошелев В. А. Константин Батюшков. С. 81.

Вхожу в твою обитель:
Здесь весел ты с собой,
И, лени друг, покой —
Дверей твоих хранитель...²²

У Батюшкова почти полное безденежье: имение давно заброшено, хозяйство идет плохо и давно «отпало от прибылей», хронически обнаруживаются плутни приказчиков.

В августе 1809 года он пишет Гнедичу:

«Где ты поживаешь, друг мой? Радищев [сын писателя] пишет, что на дачу переезжаешь. Приезжай лучше сюда; решишь, и дело в шляпе.

Тебя и Нимфы ждут, объятья простирая,
И Фавны дикие, кроталами играя,
Придешь – и все к тебе навстречу прибегут
Из древ – Гамадриады,
Из рек – обмытые Наяды,
И даже сельский поп, сатир и пьяный плут».

[т. 2, с. 96–97].

Гнедич ответил: «Ты думаешь точно, как рыцарь Ламаханский: оседлал Рыжака, надел лоханку на голову и поехал: так бы и я сделал, если б не имел ни дел... ни обязанностей...».

Дело в том, что Гнедич обучал драматическую актрису Екатерину Семеновну Семенову театральной декламации. Она попросила камергера двора князя Ивана Алексеевича Гагарина, впоследствии ставшего ее мужем, выхлопотать для Гнедича «пенсион» за перевод «Илиады» Гомера. «Я начинал, начинал, начинал, да и до сих пор не кончил стихи, которые мне очень хотелось написать ей; хотя я уже благодарил ее прозой, но стихами, – стихами поблагодари хоть ты за меня», – попросил Гнедич.

Батюшков отвечал: «Ты получил пансион! Сердце у меня выскочить хотело от радости... Да здравствует князь Гагарин!.. Ну, слава Богу, имеешь кусок верного хлеба; великое дело!» [т. 2, с. 99]. В сентябре 1809 года он написал и, от имени Гнедича, послал Семеновой благодарственные стихи.

Впоследствии Пушкин расценивал многолетний труд Гнедича над переводом «Илиады» как «высокий подвиг»:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

В апреле 1809 в Петербурге был поставлен «Танкред» Вольтера в стихотворном переводе Гнедича. «Я был вне себя от радости, – писал ему Батюшков. – Я знал, я предчувствовал, что „Танкред“ будет хорошо принят, но меня еще более радует, отгадай что? Твоя радость... Ты не даром потерял свое время...» [т. 2, с. 92].

Здесь мы считаем нужным поговорить о становлении российского театра, хотя напрямую Батюшков в этом участия не принимал. Но вот что пишет автор монографии, посвященной Ленину, В. М. Файбисович: «В эпоху становления национального сознания в России сцена превратилась в школу слова, где шлифовалась модель литературного языка, из которого партер творил язык разговорный. В это время театр оказывал сильнейшее воздействие

²² Жуковский В. А. Собрание сочинений. Т. 1. С. 119.

на общество, и литературные партии ожесточенно боролись за влияние в нем». А значение Батюшкова в становлении современного русского языка трудно переоценить.

«Пожалуйста ко мне кушать и принесите с собою обещанный акт „Танкреда“, – приглашал Оленин Гнедича еще в апреле 1808 года²³.

Н. И. Гнедич, с университетской скамьи увлекавшийся древними языками и театром, был введен в дом Олениных Батюшковым не позднее 1804 года. В это время готовился к постановке озеровский «Эдип в Афинах», и для Оленина, не владевшего в это время греческим языком, Гнедич стал бесценным помощником.

Трагедия Озерова «Эдип в Афинах» была показана 23 ноября 1804 года. Главная роль в этом спектакле была написана Озеровым для дебюта Е. С. Семеновской. Первоначальные репетиции этой трагедии происходили в доме А. Н. Оленина. Постановка трагедии была осуществлена его трудами. Он разрабатывал эскизы для костюмов и декораций, которые писал П. Гонзаго. Музыка к трагедии написал О. А. Козловский. Премьера спектакля увенчалась триумфом.

Одно время Оленин был самым авторитетным советчиком А. А. Шаховского, а с Владиславом Александровичем Озеровым Оленин сблизился в самом начале XIX века. Он увидел в Озерове драматурга, способного преобразовать русский театр, а потому всячески его поддерживал. Постановка всех основных трагедий Озерова была связана с ним.

Тесное сближение Оленина с Озеровым совпало с началом знаменитой литературной войны между «карамзинистами» и «шишковистами».

Весной 1808 года в Петербург приехала знаменитая трагическая актриса mademoiselle Жорж. Позади у нее был грандиозный успех на парижской сцене, бурный роман с Наполеоном, когда говорили, что «спутник Марса стал спутником Венеры». Разрыв с императором тяжело отразился на молодой актрисе.

²³ См: Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Л., 1983. С. 58.

Mademoiselle Жорж

В апреле 1808 года mademoiselle Жорж внезапно исчезла из Парижа. А. Х. Бенкендорф, состоявший при русском посланнике в Париже, обратился к Александру I с просьбой разрешить заключить контракт с французской актрисой. Ответ «превзошел все мои ожидания, – вспоминал он, – по приказу императора господин Нарышкин прислал незаполненные бланки контрактов и полномочия принять mademoiselle Жорж и других французских актеров и актрис».

«Французских актеров наехала целая орава, один другого хуже», – сообщает Оленин Батюшкову. Он был очень недоволен теми преимуществами, которые имели французские актеры перед петербургскими и в жаловании, и в последующей пенсии. Русскому театру пришлось вступить в борьбу за зрителя.

Приехав в Петербург, mademoiselle Жорж вначале поселилась на Мойке, близ Зимней канавки, в доме Грушкина, а затем в доме Косиковского на Невском, 15. Дом Косиковского имеет очень интересную и длинную историю. Там, например, находился знаменитый ресторан Талона, куда Пушкин отправил своего Онегина: «...К Talon помчался...»

13 июля 1808 года mademoiselle Жорж с триумфом дебютировала на сцене Большого каменного театра в трагедии Ж. Расина «Федра» (театр находился на том месте, где сейчас Консерватория).

«Ее успех породил знаменитое театральное состязание двух великих трагических актрис... – пишет в своей книге об Оленине В. М. Файбисович. – Полем битвы была избрана трагедия „Танкред“ Вольтера... Семеновой предстояло затмить Жорж в роли Аменаиды. Однако сохранить единство сторонникам Семеновой не удалось. При постановке „Танкреда“ у Оленина и Гнедича возникли трения с Шаховским»²⁴.

Гнедич начал переводить «Танкреда» еще до прибытия парижской актрисы в Петербург. В качестве переводчика готовящейся к постановке трагедии, он занялся с Семеновой работой над ролью. Шаховской, бывший ранее ее наставником, был этим очень уязвлен. «Шаховской, – писал Гнедич Батюшкову 6 мая 1809 года, – по своей ко мне приязни, воспрепятствовал дать Танкреда в Эрмитаж»²⁵.

30 июля 1808 года вольтеровский «Танкред» на французском языке был разыгран в императорском театре французской труппой: mademoiselle Жорж дебютировала в роли Аменаиды. И снова – необыкновенный успех. Затем успешные гастролы в Москве.

Тогда же Озеров покинул Петербург, чтобы в деревенском уединении завершить свою трагедию «Поликсена».

14 ноября Оленин сообщил Батюшкову, что получил от Озерова рукопись заключительного акта «Поликсены». Судьбу своей пьесы он, по обыкновению, доверил Оленину и Шаховскому. Но теперь уже не было прежнего единства между Олениным и Шаховским. Тем не менее пьеса была принята к постановке. Костюмами и к «Поликсене», и к «Танкреду» Оленин занимался одновременно.

Озеров предполагал, что «Поликсена» будет дана после окончания пасхальных праздников – в начале апреля, однако на это время была уже назначена премьера «Танкреда». «Поликсена» же, в результате этих сражений отошедшая на второй план, была показана лишь 14 мая 1809 года. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, публика приняла пьесу довольно холодно. После двух представлений Озеров отозвал свою пьесу.

Разрыв Оленина с Шаховским совпал и с уходом Озерова из драматургии вообще.

Вернемся к «Танкреду» и поговорим и о «Танкреде», и о Гнедиче, и о Семеновой, и о mademoiselle Жорж, так как это рисует обстановку в театральной и литературной среде этого времени, а следовательно, напрямую касается Батюшкова.

«Сегодня приятель твой, любезный наш Н. И. Гнедич, в большой тревоге, – писал Батюшкову Оленин. – Сегодня играют в первый раз его „Танкреда“ по-русски. Ты можешь себе вообразить, как его теперь коверкает»²⁶.

В качестве переводчика готовящейся к постановке трагедии Н. И. Гнедич занялся с Семеновой работой над ее ролью.

«Всякое неразделенное чувство тяжело, как и сама печаль», – признавался Гнедич Батюшкову в письме от 6 декабря 1809 года. А еще через год, 16 октября 1810 года, сообщал, что если Батюшков приедет в Петербург, то остановиться он сможет у Гнедича всего «дней на несколько», «хотя бы желалось и по приятности... но не позволяют обстоятельства», ибо у него «бывают тайные театральные школы с людьми, которые не хотят иметь тому свидетелей...».

²⁴ Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 214.

²⁵ Батюшков. Исследования и материалы. С. 290.

²⁶ Батюшков. Исследования и материалы. С. 355.

Эти «тайные театральные школы» происходили на квартире Гнедича в доме № 20 по Садовой улице. Дом этот теперь носит имя «Дом Крылова», так как соседом Гнедича в этом доме был И. А. Крылов.

Вот скифского певца приют уединенный:
Он, как и всех певцов,
Чердак возвышенно-смиренный.
Не красен уголок,
Но видны из него лазоревые своды;
Немного тесен, но широк
Певцу для песен и свободы.

– так представил Гнедич свое жилище.

А вот как описывает его кабинет современная исследовательница: «Окнами его кабинета выходил на Гостиный двор. Внутри кабинета – строгая мебель красного дерева. Полки с книгами на многих языках. Стены увешаны портретами самых уважаемых и дорогих ему людей: Оленина, Дмитревского, Семеновой. И повсюду педантичный порядок!»

Дом № 20 по Садовой улице

На большом, удобном для работы, столе разложены гравированные издания, сделанные Олениным эскизы костюмов, декораций, все, что может помочь актрисе войти в античный или средневековый мир. Гнедич щеголеват, не по-домашнему (и в то же время не для выхода) одет, с красиво и строго повязанным галстуком». Шаховской, который занимался с Семеновой раньше, был глубоко уязвлен. «Нашей Катерине Семеновне и ее штату не понравились мои советы: вот уже с неделю, как она учится у Гнедича, и вчера на репетиции я ее не узнал. Хотят, чтобы в неделю она была Жорж: заставили петь и растягивать стихи... Грустно и жаль, а делать нечего; Бог с ними!»

Гнедич же гармонию стиха ощущал очень тонко и умел донести ее до слушателя. В доме Гнедича Семенова входила в мир древних героинь, которых ей предстояло играть. Здесь Гнедич показывал ей присланные Олениным эскизы костюмов. «Я все мое знание истощил в сих костюмах. Этот век мудренее всех других. Я все перерыл, что только перелистывать можно было», – писал Оленин.

8 апреля 1809 года Е. Семенова впервые вышла в «Танкреде» на подмостки петербургского Большого театра.

«Но как преобразилась сцена в новой, русской, постановке вольтеровской трагедии!.. Спектакль идет в грандиозных перспективных декорациях Гонзаго. „Костюмы русских актеров, – писал журнал «Цветник», – действительно сходны с бывшими у сицилианцев. Они изготовлены по эскизам такого знатока, каким является Оленин. На всем представлении лежит печать строго вкуса, присущего его создателям“»²⁷.

На спектакле, который закончился полным триумфом Екатерины Семеновой, присутствовала mademoiselle Жорж.

²⁷ Куликова К. Российского театра первые актеры. Л., 1991. С. 261.

Екатерина Семенова

Турнир двух актрис продолжался до самого 1812 года. Зрители поделились на «жоржевистов» и «семеновистов». Это продолжалось до тех пор, пока сама Жорж, после московских гастролей обеих актрис не была вынуждена признать себя побежденной в исполнении одних и тех же ролей. И это – несмотря на огромные преимущества Жорж, которая произносила оригинальный классический текст на языке их авторов. «А наша Семенова, – писал П. Каратыгин, – играла эти самые пьесы в переводах Лобанова, Поморского или, что еще хуже, графа Хвостова. Признаться, надо было много иметь таланта, чтобы, произнося на сцене такие дубоватые вирши, приводить в восторг зрителей своей игрой».

Восхищенный исполнением Семеновой роли Гермионы в трагедии Расина «Андромаха», автор перевода граф Хвостов воскликнул: «Сам Аполлон учит ее!». На что не менее восхищенный Гнедич отвечал:

Известно, граф, что Вам приятель Аполлон.
Но если этот небожитель
(Знать есть и у богов тщеславие свое)
Шепнул Вам, будто он
Семеновой учитель,
Не верьте, граф, ему: спросите у нее.

«Роль Гермионы, – утверждал журнал «Цветник», – может почесться одною из самых труднейших ролей... Вот роль, в которой надобно смотреть г-жу Семенову... Никогда игра ее не была так обдуманна и натуральна... Она была тем, чем должна быть Гермиона. Мы видели в сей роли г-жу Жорж, восхищались ее игрой, но еще более восхищались игрою г-жи Семеновой, которая почти везде превзошла ее».

Когда в 1812 году весь Петербург, празднуя победу над врагом, засверкал праздничными огнями иллюминаций, один лишь дом Косиковского на Невском выделялся темным пятном: Жорж, глубоко чтившая Наполеона, облеклась в глубокий траур. В последних числах 1812 года она покинула Россию. Печально было ее возвращение на родину. Желая подчеркнуть свою верность Наполеону, Жорж появилась на сцене королевского дворца, держа в руках букет фиалок – цветов Бонапарта. Это было сочтено дерзостью.

Жорж заняла скромное амплу исполнительницы мелодрам. В конце 1830-х годов ее увидел в Париже П. А. Вяземский. «Она уже не царствовала на первой французской сцене Корнеля, Расина и Вольтера, но спустилась на другую сцену – мещанскую, мелодраматическую, – писал он. – Обезображенный памятник, изуродованный временем, обломок здания, некогда красивого и величественного».

В России после победы 1812 года театр опять становится барометром, реагирующим на общественные процессы, постоянным предметом обсуждений. Да и рупором идей будущих декабристов. Опять в центре внимания становится Екатерина Семенова. На заседаниях «Арзамаса», Вольного общества любителей российской словесности, «Зеленой лампы» слышится ее имя, говорится об ее значении для российской сцены.

Патриотический порыв, объединявший и актеров, и зрителей во время Отечественной войны, проходит. Но остается востребованным граждански цельное трагедийное искусство Семеновой.

Более остро и смело звучат теперь речи ее героини в переделанном заново Гнедичем «Танкред» Вольтера. В этом виде вся трагедия Вольтера приобретает свойственный преддекабристским годам антииранический характер. Когда героиня Семеновой произносит: «Тиранство, наконец, рождает непокорство», весь зал остро реагирует на эти слова.

В 1820 году Екатерина Семенова, не поладив с директором театра князем Тюфякиным, ушла из театра. Пушкин же, будучи в ссылке, так отреагировал на ее уход:

Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музы?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы
И славы русской луч угас?
Не верю! вновь она восстанет,
Ей вновь готова дань сердец,

Пред нами долго не увянет
Ее торжественный венец.
И для нее любовник славы,
Наперсник важных аонид,
Младой Катенин воскресит
Эшила гений величавый
И ей порфиру возвратит.

Пушкин окажется прав. Он написал это стихотворение в 1821 году, а в самом начале следующего Екатерина Семенова вернулась на сцену.

II

В начале июня 1809 года, находясь в Финляндии, Батюшков получил, наконец, отставку и поспешил в Петербург. Но... попадает в пустоту: он опоздал на похороны своей сестры, Анны Николаевны; Екатерина Федоровна Муравьева, после смерти Михаила Никитича, переехала в Москву...

Он пишет об этом сестрам и добавляет, что и дом «Ниловых, где время летело так быстро и весело, продан».

В июле 1809 года Батюшков уезжает в Хантоново.

В первую осень он не очень много написал, но, по мнению В. Кошелева, биографа и исследователя его творчества, «значение этой осени не исчерпывается количеством написанных стихов. Здесь, в Хантонове, завершилось „воспитание таланта“ Батюшкова. Здесь он наконец-то нашел свои формы, свои темы, свое поэтическое видение мира. Начинающий стихотворец стал большим художником, который мог свободно распоряжаться своим дарованием».

Он очень много читает. Это – и французские просветители XVIII века Вольтер и Руссо, и итальянские классики Петрарка, Тассо, Ариосто, и английский моралист Джон Локк, и римские поэты Гораций, Вергилий, Тибулл...

И с этих поэтических высот Батюшков взглянул на современную ему русскую словесность.

Новая русская литература рождалась в трудах и спорах.

В 1803 году глава литературных староверов адмирал Александр Семенович Шишков выпустил «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», направленное против «светских» писаний Карамзина и иных модных словотворцев, которые проникнуты «наклонностью к безверию, к своевольству, к повсеместному гражданству, к новой и пагубной философии».

Карамзин и новые литераторы противопоставлялись Шишковым «классикам» XVIII века. Поклонники старины стали стекаться под знамена Шишкова, объединяясь на вечерах Г. Р. Державина или на «литературных субботах»²⁸.

«С воцарением Александра, – вспоминал Ф. Ф. Вигель. – после тягостного сна, все благородное воспрянуло, и Карамзин, столь привлекательный в своих безделках, прилежно и сильно принялся за дело. Он сделался первым издателем первого у нас журнала, достойного сего названия. Его „Вестник Европы“ начал нас знакомить как с ее произведениями, так и с нашей древностью»²⁹.

²⁸ Подробнее об этом: *Альциуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007.

²⁹ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 140.

Журнал выходил с января 1802 по декабрь 1803 года, и иногда достигал очень большого по тем временам тиража.

Ко времени выхода в свет «Рассуждений...» Карамзин уже ушел из литературы и стал заниматься «Историей...». На все нападки староверов он не отвечал. Однако в Москве укрепляется группа его сторонников. Это Жуковский, Вяземский, В. Л. Пушкин, Воейков.

Не остался в стороне от них и К. Н. Батюшков. 1 ноября 1809 года он пишет из Хантонова в Петербург Гнедичу: «Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычаи, от которых мы отдалены веками и, что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели выхваляют все старое?... Но, поверь мне, что эти патриоты, жалкие декламаторы не любят или не умеют любить Русской земли...» [т. 2, с. 111].

В октябре 1809 года Батюшков написал большую сатиру на современных литераторов. Она не была предназначена для печати и в незаконченном виде он отправил ее Гнедичу в Петербург. Гнедич прочел сатиру в салоне Олениных, где она вызвала всеобщий восторг. Оленин сделал с нее несколько списков, и они очень быстро распространились сначала по Петербургу, а затем и по Москве. Батюшков сразу стал знаменит. Читатели разделились на два лагеря: защитников и хулителей сатиры. Сатира называлась «Видение на берегах Леты». Идея заключалась в том, что «божественная» река решала, кто из современных литераторов достоин бессмертия, а кого – попросту топила в волнах...

Сатира была впервые напечатана лишь в 1841 году, но в 1809–1810 годах разошлась по России в громадном количестве списков.

«Видению...» подражали Рылеев – в отрывке «Путешествие на Парнас», лицеист Пушкин – в поэме «Тень Фонвизина». Позднее отдельные стихи вошли и в роман «Евгений Онегин»: «Из этих лиц уныло-бледных», «В пуху, с косматой головой»... В стихотворении же «Городок» Пушкин, обращаясь к Батюшкову, говорит, что список достойных бессмертия, «свиток драгоценный, веками сбереженный», он спрятал в «потаенну сафьянную тетрадь»:

И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил...

В начале декабря 1809 года Батюшков отправился в Москву, куда уехала после смерти мужа К. Ф. Муравьева.

В результате этой поездки родился очерк «Прогулка по Москве», заверченный Батюшковым в первой половине 1812 года, еще до нашествия наполеоновской армии и московского пожара, а потому представляющий особую ценность.

Итак, Гнедичу, 3 января 1810 года, Москва:

«И я зрел град. И зрел людие и скоты, и скоты и людие. И шесть скотов великих везли скота единого. И зрел храмы и на храмах деревия. И зрел лица южных стран и северных... И зрел...

Да что ты зрел? – Москву, ибо оттуда пишу, восторжен, удивлен всем и всяческая. Глазам своим не верил, видя, что одного человека тянут шесть лошадей, и в санях!

Видел, видел, видел у Глинки весь Парнас, весь сумасшедших дом: Мерз<ляков>, Жук<овский>, Иван<ов> – всех... и признаюсь тебе, что много видел».

Батюшков отправился в Москву в начале декабря 1809 года. Простудившись в дороге, он некоторое время провел в Вологде, в родовом доме своей матери, где теперь жила его сестра Елизавета с мужем. Болел он недолго и к Рождеству был уже в Москве, у тетушки, в Арбатской части, на Никитской улице.

В конце 1860-х годов дочь А. Н. Оленина отдала издателю журнала «Русский архив» П. Бартеневу рукописную тетрадь, на которой рукой А. Н. Оленина было написано: «Сочинение Кон. Ник. Батюшкаго. А. О.». В 1869 году эту рукопись опубликовали. Издатель дал ей название «Прогулка по Москве». Рукописи «Прогулки...» не сохранилось, датировка ее неясна, но ни один из исследователей, даже самых скептических, не усомнился, что этот очерк принадлежит перу Батюшкова. Очень уж этот очерк созвучен батюшковским письмам и заметкам.

Из очерка «Прогулка по Москве»: «Итак, мимоходом странствуя из дома в дом, с гулянья на гулянье, с ужина на ужин, я напишу несколько замечаний о городе, и о нравах жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку, и ты прочтешь оные с удовольствием: они напомнят тебе о добром приятеле:

Который посреди рассеяний столицы
Тихонько замечал характеры и лица
Забавных москвичей;
Который с год зевал на балах богачей,
Зевал в концерте и в собранье,
Зевал на скачке, на гулянье,
Везде равно зевал,
Но дружбы и тебя нигде не забывал» [т. 1, с. 287].

«Везде равно зевал»... Исследователи творчества Батюшкова пишут о нем как о первом онегинском типе русской жизни. Онегин – «добрый приятель», «москвич в Гарольдовом плаще», который «равно зевал среди модных и старинных зал», «внимая в шуме и в тиши роптанье вечное души, зевоту подавляя смехом», – ведь это «Евгений Онегин»!

А советский исследователь Н. В. Фридман в своей книге «Проза Батюшкова» проделал интересные сопоставления и указал на сходство «Прогулок по Москве» и «Горя от ума» Грибоедова.

Батюшков и Грибоедов не были знакомы лично. Батюшков не успел познакомиться с «Горем от ума». Грибоедов не мог читать «Прогулку по Москве». При этом В. Кошелев указывает, что почти во всех историко-литературных исследованиях, касающихся «Прогулок по Москве», прослеживаются грибоедовские мотивы батюшковского очерка. «„Прогулка по Москве“, – считает он, – явилась произведением, в ряде отношений предвосхитившим „Горе от ума“».

Зимой 1810 года Батюшков ежедневно гулял по Москве один или, чаще, с 14-летним Никитой Муравьевым и

Тихонько замечал характеры и лица
Забавных москвичей...

«Я гулял по бульвару и вижу карету: в карете барыня и барин, – пишет он Гнедичу, – на барыне салоп, на арине шуба, и наместо галстуха желтая шаль. „Стой!“ . И карета – „стой“. Лезет из колымаги барин. Заметь, я был с маленьким Муравьевым. Кто же лезет? Карамзин! Тут я был ясно убежден, что он не пастушок, а взрослый малый, худой, бледный как тень. Он меня очень зовет к себе, я буду еще на этой неделе и опишу тебе все, что увижу и услышу».

Карамзин в это время еще не был автором «Истории государства Российского», а писал «пасторальную», «сладостную» прозу, которой Батюшков не был поклонником.

В интеллектуальной среде «допожарной» Москвы очень большую роль играла литература. Шарады, стихи на заданные рифмы, экспромты и, конечно, стихи в альбомы светских красавиц (по замечанию Пушкина, «мученье модных рифмачей») были очень востребованы обществом.

На одном из раутов Батюшков имел случай познакомиться со всем «Парнасом». Здесь было много поэтов, выведенных им в сатире «Видение на берегах Леты» в карикатурном виде. Все они оказались в жизни очень милыми людьми и дружески приняли Батюшкова. «Он меня видит – и ни слова, – сообщает он Гнедичу, – видит – и приглашает на обед. Тон его нимало не переменился... я молчал, молчал – и молчу до сих пор, но если придет случай, сам ему откроюсь в моей вине».

На этом московском «Парнасе» Батюшков особенно сдружился с В. А. Жуковским и П. А. Вяземским. Вяземский, очарованный «Видением на берегах Леты», представил его как нового гения. На что Батюшков ответил, что видел сон:

Будто светлый Аполлон
И меня, шалун мой милый,
На берег реки унылой
Со стишками потащил
И в забвеньи потопил!

В конце концов Батюшков познакомился и с Карамзиным, вдохновителем и главой того литературного направления, к которому принадлежали Жуковский и Вяземский.

В дом Карамзина Батюшкова привел Вяземский. Хотя и постепенно, Батюшков даже стал находить вечера, проведенные у Карамзина, «наиприятнейшими». В очерке «Прогулка по Москве» он очень тепло описал этот дом, стоявший возле старого «колымажского двора».

Бывал Батюшков и у очень уважаемого им поэта И. И. Дмитриева, друга Карамзина, Вяземского и Жуковского. Дмитриев должен был вскоре переехать в Петербург на должность министра юстиции.

Батюшков сообщает Гнедичу: «Дмитриев и Карамзин обо мне хорошо отзываются». Но Гнедичу это не нравится: он считает, что Москва пагубно влияет на Батюшкова, он зовет его в Петербург, и в конце концов сам по дороге на родину, в Полтавскую губернию, завернул в Москву. Батюшкова он «нашел больного, кажется, от московского воздуха, зараженного чувствительностью, сырого от слез, проливаемых авторами, и густого от их воздыханий». Высказав Батюшкову свое мнение о вредных московских влияниях, Гнедич уехал на Полтавщину, а Батюшков вместе с Жуковским и Вяземским отправились в подмосковное имение Вяземских Остафьево, где втроем проводили время в поэтических спорах, поэтических состязаниях, лени.

Но через три недели такой «роскошной» жизни Батюшков, никого не предупредив, сбежал к себе в Хантоново.

Батюшков – Вяземскому, 26 июля 1810 года, Хантоново: «Как волка ни корми, а он все в лес глядит!»

Виноват перед тобой, любезный мой князь, уехал от тебя, как набожный Эней от Элизы, скрылся, как красное солнце за тучами... Я приехал кое-как до жилища моего больной, нет, мертвый! Насилу теперь отдохнул и, облокотясь на старинный стол, который одержим морскою болезнью, ибо весь расшатался, пишу к тебе, любезный князь, эти несвязные строки».

В хантоновскую осень 1810 года Батюшков, несмотря на болезни, много читает, переводит – с итальянского, французского. Особенно увлекают его «Опыты» Монтеня. Много времени и сил потратил он на стихотворный перевод библейской «Песни Песней». Такие вариации были довольно распространены в русской поэзии начала XIX века: у Державина – «Соломон и Суламита», у Крылова – «Выбор из Песни Песней», у Пушкина – «Вертоград моей сестры...» и «В крови горит огонь желанья...».

В январе 1811 года Батюшков снова отправляется в Москву. В московских литературных кругах к этому времени наметилась противоположность столичной «официальной» литературе и «Беседе». Жуковский издает пятитомное «Собрание образцовых русских стихотворений», Карамзин устраивает первые публичные чтения отрывков из «Истории государства Российского», Василий Пушкин пишет поэму «Опасный сосед». Батюшкова везде очень хорошо принимают. «Говорил он прекрасно, благозвучно и был чрезвычайно остроумен...», – вспоминает современник.

Это был последний предвоенный год. Последняя встреча с допожарной Москвой...

Батюшков – Гнедичу, июль 1811 года, Хантоново: «...Я решил ехать в Питер на службу царскую. Теперь вопрос: буду ли счастлив? Получу ли место? Кто мне будет покровительствовать? Признаюсь тебе, я желал бы иметь место при библиотеке, но не имею никакого права на оное» [т. 2, с. 175].

В январе 1812 года Батюшков отправился из Хантонова в Петербург, чтобы устроиться на службу при Императорской публичной библиотеке, где в это время уже работали Н. И. Гнедич и И. А. Крылов в должности помощника библиотекаря.

Дом № 20 на Садовой улице ныне принадлежит Российской национальной библиотеке. До 1841 года в среднем этаже этого дома жил библиотекарь Публичной библиотеки Иван Андреевич Крылов, так что теперь дом даже называют иногда «домом Крылова». А в верхнем этаже до 1831 года жил другой библиотекарь – Николай Иванович Гнедич. И часто у него, и иногда подолгу, гостил К. Н. Батюшков.

Со службой в библиотеке дело долго не улаживалось: не было места. Батюшкову оставалось ждать вакансии. Жил он на Конюшенной улице, в доме Шведской церкви. По свидетельству В. Шубина, Шведская церковь и ее дома стояли на участке зданий № 1–3 по Малой Конюшенной. И церковь, и ее дома снесены – частично в 1860-х годах, частично в 1903-м. На смену им были возведены новые здания и церковь.

Батюшков вновь стал посещать заседания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В журналах этого общества напечатано несколько его стихотворений.

Сотрудничество в обществе развивало интерес к теоретическим вопросам искусства. Он показал себя тонким знатоком архитектуры, скульптуры и живописи и был первым русским художественным критиком.

Еще большее влияние на него оказало общение с кружком А. Н. Оленина. Здесь господствовал культ античности, который Батюшков горячо разделял.

В 1804 году известный коллекционер П. П. Дубровский, собравший в Европе уникальный «музей рукописей», открыл его для обозрения в Петербурге. Александр I приобрел это собрание и повелел учредить в библиотеке Депо манускриптов, назначив Дубровского его хранителем.

Вот сюда-то в апреле 1812 года и был принят Батюшков на должность помощника хранителя Депо манускриптов, а с 1818 года, после возвращения из заграничного похода, он становится почетным библиотекарем.

К. Н. Батюшков – сестре Александре, июнь 1812 года, Петербург: «Я не писал к тебе, потому что переезжал на новую квартиру и живу теперь в доме Балабина, возле Императорской библиотеки, напротив Гостиного двора... Квартира моя очень хороша; я купил мебели и цветов и теперь живу барином» [т. 2, с. 218].

Дом Балабина – это перестроенный в 1874 году дом № 18 на Садовой улице (ныне – здание Российской национальной библиотеки).

В новой квартире Батюшкову долго прожить было не суждено. 12 июня Наполеон перешел границу России.

Батюшков лучше многих понимал опасность и последствия начавшейся войны. Как раз в это время он подхватил лихорадку, которая больше чем на месяц приковала его к постели. Из Москвы пишет Е. Ф. Муравьева: она в беде. Незадолго до войны она продала дом, живет а подмосковной даче. Французы близко. Она больна. Оба ее сына, будущие декабристы, еще очень молоды.

«Катерина Федоровна, – пишет он сестре 9 августа, – ожидает меня в Москве, больная, без защиты, без друзей: как ее оставить?» Батюшков превозмогает все болезни, получает у Оленина отпуск и едет к Муравьевым.

Он приехал в Москву за несколько дней до Бородинского сражения.

Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах изданных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных! [т. 1, с. 190].

Батюшков – П. А. Вяземскому, около 20 августа 1812 года: «Я приехал несколько часов после твоего отъезда в армию. Представь себе мое огорчение... Сию минуту я поскакал бы в армию и умер с тобою под знаменами отечества, если б Муравьева не имела во мне нужды. В нынешних обстоятельствах я ее оставить не могу... Из Володимира я прилечу в армию, если будет возможность. Дай Бог, чтоб ты был жив, мой милый друг! Дай Бог, чтоб мы еще увиделись! Теперь, когда ты под пулями, я чувствую вполне, сколько тебя люблю. Не забывай меня. Где Жуковский? Батюшков».

В Москве у Екатерины Федоровны Муравьевой случился переполох. Пятнадцатилетний Никита бежал из дома.

Из записок Александра Муравьева: «Успехи, одержанные над нами врагом, отступление нашей армии до сердца России раздирали душу моего брата. Он ежедневно досаждал матушке, чтобы добиться от нее дозволения поступить на военную службу. Он стал грустным, молчаливым, потерял сон. Матушка, хотя и встревоженная его состоянием, не могла дать ему столь желанное разрешение... Однажды утром, когда мы собрались за чайным столом, моего брата не оказалось. Его ищут повсюду. День проходит в томительной тревоге. Брат скрылся рано утром, чтобы присоединиться к нашей армии, приближавшейся к стенам Москвы. Он прошел несколько десятков верст, когда его задержали крестьяне. Без паспорта, хорошо одетый – и у него находят карту театра войны и бумагу, на которой написано расположение армий противников! С ним обращаются худо, его связывают; возвращенный в Москву, он брошен в городскую тюрьму. Генерал-губернатор граф Ростопчин призывает его, подвергает его допросу...». Ростопчин сам было принял его за шпиона. Большого труда стоило Батюшкову выручить Никиту Муравьева. Через девять месяцев, в мае 1813 года, Никита все-таки уйдет в армию прапорщиком.

П. А. Вяземский, воспоминания 1812 года: «Милорадович ввел в дело дивизию Алексея Николаевича Бахметева, находившуюся под его командою. Под Бахметевым была убита лошадь. Он сел на другую. Спустя несколько времени ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упав на землю, зашипело, завертелось, взвилось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметеве. С трудом уложили мы его на мой плащ и с несколькими рядовыми понесли его подалее от огня. Но и тут, путем, сопровождали нас ядра, которые падали направо и налево, перед нами и позади нас. Жестоко страдая от раны, генерал изъявил жела-

ние, чтобы меткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до места перевязки. Это тот самый Бахметев, при котором позднее Батюшков находился адъютантом».

Батюшков – родным, 7 сентября 1812 года, Владимир: «Сколько слез! – Два моих благотворителя, Оленин и г. Татищев, лишились вдруг детей своих. Оленина старший сын убит одним ядром вместе с Татищевым. Меньшой Оленин так ранен, что мы отчаиваемся до сих пор!.. Рука не поднимается описывать вам то, что я видел и слышал. Простите» [т. 2, с. 229].

Вяземскому, 3 октября 1812 года, Нижний Новгород: «Может быть, штык или пуля лишит тебя товарища веселых дней юности... Но я пишу письмо, а не элегию; надеюсь на Бога и вручаю себя Провидению. Не забывай меня и люби, как прежде...» [т. 2, с. 233].

Однако после оставления Москвы попасть в армию статскому человеку было непросто. Раненый генерал А. Н. Бахметев выразил готовность взять Батюшкова к себе в адъютанты и обещал при первой возможности отправить в действующую армию. Все бумаги были отправлены в Петербург. Оставалось только ждать.

10 декабря 1812 года М. И. Кутузов доложил царю: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля»³⁰.

16 февраля 1813 года прусское правительство заключило союз с Россией о войне за освобождение Германии от наполеоновского ига.

Батюшков возвращается из Нижнего Новгорода, куда отвозил семейство Муравьевых, в Петербург и поселяется «на Владимирском, в доме Баташова». Как указано у В. Шубина, по современной нумерации это дом № 4, несколько изменивший свой облик при перестройке в 1879 году.

Он был тепло принят Олениными, благодарными ему за заботу о раненном в Бородинском сражении сыне Петре.

Возвращаясь из Нижнего Новгорода, он снова, в третий раз, проезжал через развалины Москвы.

Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.

29 марта 1813 года высочайшим приказом Батюшков принят в военную службу с назначением в адъютанты к генералу А. Н. Бахметеву. Но Бахметев еще не оправился от ран. Батюшкова гнетет ожидание. Он снова сменил квартиру. Новый адрес: «Дом Сиверса в Почтамском» (современный адрес: ул. Союза Связи, 10). Бахметев все не едет.

Батюшков – Вяземскому, 10 июня 1813 года, из Петербурга в Москву: «В карты я не играю – в большом свете бываю по крайней необходимости и в ожидании моего генерала зеваю, сплю, читаю „Историю Семилетней войны“, прекрасный перевод Гомера на итальянском языке... денег имею на месяц и более, имею двух-трех приятелей, с которыми часто говорю о тебе, хожу по вечерам к одной любезной женщине, которая меня прозвала сумасшедшим, чудачком, и зеваю; сидя возле нее, зеваю, так, мой друг; зеваю в ожидании моего генерала, который, надеюсь, пошлет меня зевать на биваки, если война еще продолжится; и глупею, как старая меделянская собака глупеет на привязи» [т. 2, с. 250].

³⁰ Цит. по: Кошелев В. А. С. 156.

Бахметев приехал в Петербург около 10 июля. На театр военных действий безногого генерала не пустили, и он дал Батюшкову официальное разрешение ехать без него, дав несколько рекомендательных писем.

Еще до отъезда Батюшков обращается с посланием «К Дашкову»:

Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

24 июля Батюшков выехал из Петербурга под Дрезден. Генерал Н. Н. Раевский оставил его при себе адъютантом.

Батюшков – Гнедичу, сентябрь 1813 года, лагерь близ Теплица: «Успел быть в двух делах: в авангардном сражении под Доной, в виду Дрездена, где чуть не попал в плен, наскочив нечаянно на французскую кавалерию, но Бог помиловал! – потом близ Теплица в сильной перепалке. Говорят, что я представлен к Владимиру, но об этом еще ни слова не говори, пока не получу. Не знаю, заслужил ли я этот крест, но знаю, что заслужить награждение при храбром Раевском лестно и приятно» [т. 2, с. 258].

4–7 октября 1813 года произошло генеральное Лейпцигское сражение, вошедшее в историю под названием Битвы народов и положившее конец господству Наполеона в Европе. Первый удар приняла на себя Богемская армия, в состав которой входил корпус Раевского. Четыре дня упорных боев окончились полным поражением французов.

«Чужое: мое сокровище» (1817): «Под Лейпцигом мы бились (4-го числа) у Красного дома. Направо, налево все было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевский стоял в цепи, мрачен, безмолвен. Дело шло не весьма хорошо. Я видел неудовольствие на лице его, беспокойства ни малого. В опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгорятся, как угли, и благородная осанка его поистине делается величественною...

Французы усиливались. Мы слабели: но ни шагу вперед, ни шагу назад. Минута ужасная. Я заметил изменение в лице генерала и подумал: „Видно дело идет дурно“. Он, оборотясь ко мне, сказал очень тихо, так, что я едва услышал: „Батюшков! Посмотри, что у меня“... Второпях я не мог догадаться, чего он хочет. Наконец, и свою руку освободя от поводов положил за пазуху, вынул ее и очень хладнокровно поглядел на капли крови. Я ахнул, побледнел. Он сказал мне довольно сухо: „Молчи“. Еще минута – еще другая – пули летали беспрестанно, – наконец, Раевский, наклонясь ко мне, прошептал: „Отъедем несколько шагов: я ранен жестоко!“. Отъехали. „Скачи за лекарем!“. Поскакал... Один решился ехать под пули, другой воротился... Мы прилетели. Раевский сходил с лошади, окруженный двумя или тремя офицерами... На лице его видна бледность и страдание, но беспокойство не о себе, о грендерах... Мы суетились, как обыкновенно водится в таких случаях. Кровь меня пугала, ибо место было весьма важно, я сказал это на ухо хирургу. „Ничего, ничего“, отвечал Раевский... и потом оборотясь ко мне: „Чего бояться, господин Поэт“ (он так называл

меня в шутку, когда был весел): „У меня нет больше крови, которая дала мне жизнь, / Она в сраженьях пролита за родину“*» [т. 2, с. 38]³¹.

Из письма Гнедичу от 30 октября: «Признаюсь тебе, что для меня были ужасные минуты, особливо те, когда генерал посылал меня с приказаниями то в ту, то в другую сторону, то к пруссакам, то к австрийцам, и я разъезжал один по грудам тел убитых и умирающих... Ужаснее сего поля сражения я в жизни моей не видал и долго не увижу».

Отношение № 389 штабс-капитану Батюшкову.

Господин штабс-капитан Батюшков!

Именем его императорского величества и властью, высочайше мне вверенной, в справедливом уважении к отличной храбрости вашей, в сражениях 4 сего октября под г. Лейпцигом оказанной, по засвидетельствованию генерала от кавалерии Раевского, препровождаю у сего для возложения на вас ордена святыя Анны 2 класса.

Главнокомандующий действующими армиями

генерал от инфантерии

Михаил Барклай-де Толли.

После взятия Лейпцига генералу Раевскому стало хуже: «к ране присоединилась горячка». Его направили для лечения в Веймар. Батюшков неотлучно находится при нем. И вот он, переводчик Парни, Буало, Грессе, разочаровавшийся во французском языке и литературе, попадает в центр литературной Германии.

«Мы теперь в Веймаре, дней с десять, – пишет Батюшков Гнедичу, – живем покойно, но скучно. Общества нет. <...> В отчизне Гёте, Виланда и других ученых я скитаюсь как скиф. Бываю в театре изредка. Зала недурна, но бедно освещена. В ней играют комедии, драмы, оперы и трагедии, последние – очень недурно, к моему удивлению. „Дон Карлос“ мне очень понравился, и я примирился с Шиллером. <...> О комедии и опере ни слова. Драмы играют редко по причине дороговизны кофеев и съестных припасов; ибо ты помнишь, что всякая драма начинается завтраком в первом действии и кончается ужином. Здесь лучше всего мне нравится дворец герцога и английский сад, в котором я часто гуляю, несмотря на дурную погоду. Здесь Гёте мечтал о Вертере, о нежной Шарлотте; здесь Виланд обдумывал план „Оберона“ и летал мыслью в области воображения; под сими вязами и кипарисами великие творцы Германии любили отдыхать от трудов своих... Гёте я видел мельком в театре. Ты знаешь мою новую страсть к немецкой литературе. Я схожу с ума на Фоссовой „Луизе“; надобно читать ее в оригинале и здесь, в Германии».

«Было бы трудно лучше Батюшкова передать, чем был для русского офицера Веймар в 1813 г., – писал советский исследователь С. Н. Дурылин, – все в одной куче – и русские офицеры в Театре Гёте, и благоговейные припоминания русского читателя о Гёте как об авторе „Вертера“, и неизменный „Оберон“, и мещанские драмы, которых нельзя давать на сцене по крайней бедности веймарского театра, <...> и восторг от открытия давно открытой Америки немецкой литературы! Но... Творчество Гёте Батюшков знает довольно поверхностно. Он не знает, что „Страдания юного Вертера“ были написаны не в Веймаре. Он не читал недавно изданного „Фауста“, не знает, что так горячо хвалимого им „Дона Карлоса“ Шиллера поставил в своем театре именно Гёте. И... даже не попытался встретиться с ним...»

А Веймар еще в шестидесятые годы XVIII в. начал становиться центром германской культуры. Герцогиня Веймарская Анна Амалия приглашает сюда самого именитого немецкого писателя Виланда. В 1776 году ее сын, герцог Карл Август, приглашает Гёте, назначая его директором театра; Гёте приглашает Гердера и Шиллера. Н. М. Карамзин, посетивший

³¹ Цитата из трагедии Вольтера «Эрфила». В оригинале – по-французски.

Веймар с рекомендациями к Гёте и Гердеру, еще в 1790-х годах с восторгом описал это посещение в „Письмах русского путешественника“.

Целая картина в нескольких строках».

Бывший поклонник французской литературы, которого «ужасные поступки Вандалов, или французов, в Москве <...> поссорили <...> с человечеством», открывает для себя литературу немецкую.

Впрочем, Раевский лечился в Веймаре всего около месяца. В середине декабря они с Батюшковым уже снова в действующей армии. Перед новым, 1814 годом русские войска перешли границу Франции.

Батюшков – Гнедичу, 16 января 1814 года, местечко у крепости Бефора: «Итак, мой милый друг, мы перешли за Рейн, мы во Франции... Эти слова: мы во Франции – возбуждают в моей голове тысячу мыслей, которых результат есть тот, что я горжусь моей родиной в земле ее безрассудных врагов» [т. 2, с. 266–267].

В Лотарингии Батюшков воспользовался приглашением своего сослуживца посетить замок, некогда принадлежавший его бабушке. Десять лет, с 1734 по 1744 год, прожил здесь Вольтер, тогда уже прославленный поэт и философ. Здесь он нашел убежище от преследования властей. Батюшков описал свое путешествие в замечательном очерке «Путешествие в замок Сирей», который Белинский назвал одним из лучших прозаических произведений поэта.

Итак, Наполеон свегнут. Он подписал отречение и отправлен на остров Эльбу.

Народ суетится вокруг Трояновой колонны со статуей Наполеона, набрасывает на нее веревку, пытаясь стащить.

«Суета сует!.. – пишет Батюшков, – и та самая чернь, которая приветствовала победителя на сей площади, та же самая чернь, и ветренная, и неблагодарная... накинула веревку на голову... и тот самый неистовый, который кричал несколько лет назад тому „задавите короля кишками попов“, тот самый неистовый кричит теперь: „Русские, спасители наши, дайте нам Бурбонов!“...» [т. 2, с. 272].

Батюшкову очень захотелось домой.

Александр I поручил своему флигель-адъютанту добиться перемирия: «С бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна нынче же ночевать в Париже».

«Все высоты заняты артиллериею, – пишет Батюшков, – еще минута – и Париж засыпан ядрами! Желать ли сего? Французы выслали офицера с переговорами, и пушки замолчали».

Третья война Батюшкова закончилась. Сотрудник русской миссии в Лондоне Дмитрий Северин предложил ему возвращаться в Россию морем, предварительно посетив Лондон. Батюшков согласился.

И вот он дома.

«Увидел, наконец, Адмиралтейский шпиц, Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц...».

Екатерина Федоровна Муравьева купила на Фонтанке «третий дом от Аничкова моста». Здесь Батюшков и остановился.

«Фонтанка, этот дом»...

А ведь недалеко, на Фонтанке у Обухова моста, жила семья А. Н. Оленина. И у Олениных он постоянно.

Так какой же дом для Батюшкова – «этот»?

В Павловске готовилось празднество по случаю возвращения победителя – Александра I.

Приготовления к «Обряду торжественной встречи», разработанному под руководством столичного главнокомандующего С. К. Вязмитинова, шли полным ходом. Однако 7 июля главнокомандующему был доставлен рескрипт императора: «Сергей Козмич! Дошло до моего сведения, что делаются разные приуготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их еще менее приличными ныне. Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед ним все должны мы смиряться. Объявите повсюду мою непрременную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать».

Императрица Мария Федоровна, со своей стороны, все же решила устроить в Павловске празднество по случаю возвращения победителя – Александра I.

Батюшков – Вяземскому, 27 июля 1814 года: «Я часто не знаю, что делаю, что пишу, и ныне это доказал на деле. Нелединский заставил меня писать для великолепного праздника в Павловском; дали мне программу, и по ней я принужден был нанизывать стихи и прозу; пришел Капельмейстер и выбросил лучшие стихи... пришел какой-то Корсаков, который примешал свое, пришел Державин, который примешал свое, как ты говоришь, кое-что, и изо всего вышла смесь, достойная нашего Парнаса, и вовсе не достойная ни торжественного дня, ни зрителя!» [т. 2, с. 297].

Императрица прислала Батюшкову брильянтовый перстень, который он тут же отослал в Хантоново, младшей сестре Вареньке, «с тем, чтоб она носила на память от брата».

В начале 1815 года Батюшков написал стихотворение, которое называется «Мой гений». Первые строки его:

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной...

На эти стихи было написано много романсов, в том числе и Глинкой. Здесь речь идет о сильном реальном чувстве:

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной
Повсюду странствует со мной... [т. 1, с. 179]

Особое место в доме Олениных принадлежало Анне Федоровне Фурман (1791–1850), с отрочества жившей в доме Олениных. В ранней юности она, по словам ее сына, «пользовалась уважением этого кружка и была, так сказать, любимицею некоторых маститых в то время старцев. Так, например, Державин всегда сажал ее за обедом возле себя, а Озеров в угоду ей подарил ей ложу на первое представление «Дмитрия Донского», сам приехал в ложу и, как говорила матушка, восторгаясь игрою известной в то время артистки Семеновой, плакал от умиления»³².

³² Воспоминания Федора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 7.

Анна Федоровна Фурман

Анна Федоровна, по утверждению современника, «по скромности и по прекрасным качествам ума и сердца, а равно и прелестною наружностью своею, пленяла многих, сама того не подозревая». Пленила она и Н. И. Гнедича, увлекшегося ею, судя по его переписке с К. Н. Батюшковым около 1809 года.

К. Н. Батюшков предостерегал его от этого увлечения, однако позднее сам оказался во власти сильного чувства к Анне Федоровне.

Из-за границы Батюшков вернулся с надеждой. Семья Олениных, Муравьевы, родные, все желали этого брака. 4 мая 1813 года он писал сестре из Петербурга: «Никогда, мой друг, более не чувствовал нужды в большом или, по крайней мере, в независимом состоянии. Я мог бы быть счастлив – так думаю по крайней мере, – если б имел оное, ибо время пришло

мне жениться. Одиночество наскучило. Но что могу без состояния? Нет! Поверь мне – ты меня знаешь – не решусь даже из эгоизма себя и жену сделать несчастливymi» [т. 2, с. 245].

Однако союз, о котором мечтал Батюшков, был невозможен и по другой причине: он сомневался во взаимности своего чувства.

Всего ужаснее! Я видел, я читал
В твоём молчании, в прерывном разговоре,
В твоём унылом взоре,
В сей тайной горести потупленных очей,
В улыбке и в самой веселости твоей
Следы сердечного терзанья... [т. 1, с. 407].

Свадьба не состоялась. С ее стороны была лишь покорность чужой воле. Батюшков это понял.

В 1815 году Анна Федоровна покинула Петербург по требованию своего отца, который нуждался в ее помощи для воспитания своих детей от другого брака. «Вызов этот был неожиданным ударом для матушки моей, привязавшейся всею душою к Елизавете Марковне, – пишет ее сын. – А. Н. Оленин сказал ей, что она может не ехать в Дерпт, если согласится выйти замуж за человека, давно уже просящего руки ее, что он не решился до сих пор говорить ей о нем, будучи заранее уверен в отказе ее, но что теперь обязан ей объявить, что претендент этот – Николай Иванович Гнедич. Этому матушка никак не ожидала: она привыкла смотреть на Гнедича (уже далеко не молодого человека) с почтением, уважая его ум и сердце, наконец, с признательностью за влияние его на развитие ее способностей, ибо почти ежедневно беседовала с ним и слушала наставления его, – одним словом, она любила его, как ученицы привязываются к своим наставникам. Но тут же появилось несчастное чувство сожаления, и она просила А. Н. <Оленина> дать ей несколько дней для размышления. Кончилось тем, что она, конечно, другими глазами смотря на Гнедича, стала замечать в нем недостатки, например, не имевшую дотоле для нее никакого значения наружность...»³³.

Анна Фурман жила с отцом и сводной сестрой сначала в Дерпте, затем в Ревеле, где в 1821 году вышла замуж. В 1826 году у нее родился сын Федор – в будущем блестящий петербургский чиновник, статс-секретарь императрицы и любитель литературы, чьими воспоминаниями мы и пользуемся. После смерти мужа, простудившегося во время наводнения 1827 года, Анна принуждена была работать. Она стала главной надзирательницей, а затем директрисой Сиротского института. В этой работе она нашла свое призвание.

Вернемся к К. Н. Батюшкову. Первоначально Константин Николаевич рассматривал свою прозу как необходимость, так как для того, чтобы писать хорошо в стихах, писать разнообразно, хорошим слогом, с чувствами, надо много писать прозой, но не для публики, а записывать просто для себя. Он считал, что этот способ ему удавался: рано или поздно написанное в прозе было полезно.

Свою мечту о выпуске тома прозы Батюшков высказал в письме П. А. Вяземскому 23 июня 1817 года: «Скажи по совести, какова моя проза, можно ли читать ее? Если просвещенные люди скажут: это приятная книга, и слог красив, то я запрыгаю от радости. Сам знаю, что есть ошибки против языка, слабости, повторения и что-то ученическое и детское: знаю и уверен в этом, но знаю и то, что если меня немного окуражит одобрение знатоков, то я со временем сделаю лучше» [т. 2, с. 446].

Как мы уже говорили, очень большое значение для Батюшкова имела его дружба с А. Н. Олениным. Еще в 1808 году, высылая Батюшкову золотую медаль за службу в земском

³³ Воспоминания Федора Адольфовича Оома. С. 9.

войске, Оленин писал: «Вчера встретил твоего Филиппа (слугу. – *Прим. авт.*) <...> и обрадовался, что при верном случае могу к тебе выслать медаль, к которой я большую цену приписываю, особенно когда она висит на георгиевской ленте»³⁴.

Дело в том, что участники боевых действий носили медаль на Георгиевской ленте, прочие – на Владимирской.

Взгляды Оленина отразились в сочинении К. Н. Батюшкова «Прогулка в Академию художеств», написанном во второй половине 1814 года; этот очерк был создан по программе Оленина. В сентябре 1816 года, готовя к печати свои «Опыты в стихах и прозе», Батюшков просил Н. И. Гнедича получить у Оленина разрешение на публикацию в этом издании «переправленного письма об Академии»: «Канва его, а шелки мои», – писал Гнедичу Батюшков.

Наконец, в 1817 году выходят «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова. Они были украшены виньеткой, гравированной И. В. Ческим. Виньетка изображала лиру, меч с датами 1807, 1809, 1813, и 1814 на ножнах и шлем, моделью которому послужила оленинская ерихонка, принадлежащая Оружейной палате. Гравюра была исполнена с оригинала И. А. Иванова по рисунку Оленина. Под гравюрой находится монограмма Оленина. Даты на мече обозначают собою кампании, в которых принимал участие К. Н. Батюшков. Куда уж больше «окуражит одобрение знатоков»?!

Одним из первых опыты в прозе Батюшкова одобрил очень уважаемый им поэт и государственный деятель И. И. Дмитриев. Батюшков спешит откликнуться на его отзыв: «Ваше превосходительство!.. Не нахожу слов для изъяснения вам, милостивый государь, душевной признательности за ободрение маленькой музы моей...» [т. 2, с. 455].

Однако...

Сердце наше – кладезь мрачный:

Тих, покоен сверху вид,

Но спустись ко дну... ужасно!

Крокодил на нем лежит! [т. 1, с. 235–236].

Закончилась война с Наполеоном. Батюшков вернулся в Россию, в Петербург. Но он еще в армии, адъютант генерала Бахметева. Только вот положение его не ясно даже ему самому: отпущенный Бахметевым в действующую армию с рекомендательными письмами, он провел зарубежный поход адъютантом Николая Раевского. Теперь ходят разговоры о возможном переводе его в гвардию. Пока же он числится в отпуске. Но ведь пора же и честь знать... В октябре 1814 года Бахметев расквартировал свой штаб в Каменце-Подольском и поинтересовался намерениями своих адъютантов – он понимал, что после войны им надо приводить в порядок и свои личные дела, хозяйство.

Однако 2 июня 1815 года Батюшков получает вызов на службу. Но ведь война, из-за которой он, собственно, и шел в армию, уже закончена...

4 ноября 1815 года Батюшков пишет Е. Ф. Муравьевой из Каменец-Подольского: «Теперь я решился: говорил с генералом и подал просьбу в отставку, которую отправляю послезавтра... В ожидании перевода в гвардию я потерял два года в бездействии, в болезни и получил убыток».

Это – дела по службе. О том же, чем он был занят до отъезда в армию, мы рассказывали раньше. Впрочем, он и в армии не оставлял литературу. Но уйти из армии, даже не воюющей, было не легче, чем ему, отставному офицеру, попасть туда во время войны. И он выпрашивает у Бахметева отпуск с намерением, исполнив служебные поручения в Москве, более не возвращаться в Каменец.

³⁴ Батюшков. Исследования и материалы. С. 351.

В первых числах января 1816 года Батюшков приехал в Москву. В Москве он узнает, что его наконец-то... перевели в гвардию! «Но кто сказал вам, что я хочу продолжать военную службу?... Желая... по болезни служить музам, отслужу царю на поле брани». Только в апреле вышла, наконец, отставка – без давно обещанного ордена, без повышения класса по «Табели о рангах» – коллежским ассессором: «Неудачи по службе, – отреагировал Батюшков, – это мое. Слава Богу, что отставлен».

В мае 1818 года он пишет Вяземскому: «Море лечит все болезни, – говорит Эврипид; вылечит ли меня – сомневаюсь. Как бы то ни было, намерен провести шесть месяцев в Тавриде». 10 июля он прибыл в Одессу, купается ежедневно, собирается начать принимать грязи... Вспомнил и о своей должности почетного библиотекаря: поехал изучать древности Ольвии, античные развалины. В письмах Оленину и гр. Румянцеву рекомендует коллекцию греческих древностей, составленную одним одесским собирателем. «Всем надоел здесь медалями и вопросами об Ольвии», – пишет он Гнедичу.

Казалось, свершилось то, к чему он стремился. Но как только хоть несколько стабилизируется его жизнь, как только более или менее начинают просматриваться ее перспективы, судьба снова резко меняет ее. Еще до отъезда на юг он обратился с письмом непосредственно к государю, выразив желание быть полезным Отечеству по линии Министерства иностранных дел в Италии, «которой климат необходим для восстановления моего здоровья, расстроенного раною и трудным Финляндским походом». И вот:

Указ Государственной Коллегии иностранных дел.

Коллежского ассессора Батюшкова... уволенного за раною от военной службы с определением к статским делам, всемилоостивейше жалуя в надворные советники, повелеваем причислить в ведомство Государственной Коллегии иностранных дел и поместить сверх штата при миссии нашей в Неаполе...

На подлинном подписано Собственною Его императорского величества рукою тако: Александр.

Каменный Остров. Июля 16-го 1818 года.

Контрассигновал статс-секретарь граф Нессельроде.

19 ноября 1818 года, во втором часу, перед обедом, из Петербурга в Царское Село выехала большая компания. В. А. Жуковский сообщал об этом И. И. Дмитриеву: «Мы простились всем „Арзамасом“ с нашим Ахиллом-Батюшковым, который теперь... в каком-нибудь уголку северной Италии увидится с весною».

В декабре он в Вене, в феврале 1819-го – уже в Риме, к концу того же месяца – в Неаполе, на должности сверхштатного канцеляриста дипломатической миссии. И тут нашла коса на камень, точь-в-точь, как вскоре у Пушкина с Воронцовым. Посланник России в Неаполе, граф Штакельберг, человек, даже по словам министра иностранных дел графа Нессельроде, «нрава, преисполненного странностей и гордыни», заявил Батюшкову, что тот «не имеет права рассуждать». Батюшков вспылил...

«Здесь, на чужбине, надобно иметь некоторую силу душевную, чтобы не унывать в совершенном одиночестве. Друзей дает случай, их дает время. Таких, какие у меня на севере, не найду, не наживу здесь», – пишет он Жуковскому 1 августа 1819 года. Это – последнее из дошедших до нас дружеских писем поэта. Еще в июле, словно предчувствуя что-то, П. А. Вяземский писал из Варшавы А. И. Тургеневу: «Уверен, что он скучает». Батюшков не просто скучал – его охватила тоска, безотрадная и безысходная...

Раньше, находясь за границей с армией, он был все же среди своих. Сейчас свои, соотечественники – редкие единицы, например художники. Еще по дороге в Неаполь, в Риме, Батюшков подсказал находившемуся в это время там великому князю Михаилу Павловичу

идею заказать молодым русским художникам-пенсионерам Академии художеств живописные работы. И вот что вскоре написал родителям из Рима Сильвестр Щедрин: «На обратном пути великого князя из Неаполя он призвал к себе и встретил сими словами: „Поезжайте в Неаполь и сделайте два вида водяными красками; Батюшкову поручено вам оные показать“... Сверх того, Батюшков прислал мне сказать, что он у себя приготовил мне комнату».

Оленин как президент Академии художеств, провожая Батюшкова в Италию, просил его информировать, как обстоят дела у пенсионеров Академии. Батюшков написал Оленину о бедственном положении, в котором находились в Италии российские художники-пенсионеры. Заказ великого князя Михаила Павловича, заказ самого Батюшкова были для них единичной удачей. Вскоре после его письма в положении художников кое-что все-таки изменилось и помимо единичных частных заказов.

Но эти отдельные контакты не заменяли общества, общения. И Батюшков усиленно занимается литературой, увлекся Байроном, начал даже переводить. «Я пишу мои записки о древностях окрестностей Неаполя», – сообщает он в Россию. (Эти «Записки» до нас не дошли.) И упорно лечится – пользуется теплыми минеральными водами.

В декабре 1820 года, уставший от одиночества, служебных неприятностей и болезней, он запросился в Рим, а весной 1821 года – в отставку, но вместо отставки получил повышение жалования. В мае он самовольно покидает Рим и отправляется в Германию, на минеральные воды Теплица. Батюшков лечится, лечится упорно, фанатично, принимая по две ванны семьдесят дней сряду, в то время как другие больные опасались «удара» даже после первой же ванны. Он бежит от болезни:

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома громыханье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Он боится болезни, мысль о ней преследует его всю жизнь. 4 ноября он встречается под Дрезденом с Жуковским. Жуковский записывает: «С Батюшковым в Плауне. Хочу заниматься. Раздрание писаного. Надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось... Тасс; Брут; описание Неаполя – перечень „раздранного“». И вписанное им в альбом Жуковского:

Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит!
Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышит!..

Батюшков словно поднимал перчатку, упавшую с руки Г. Р. Державина, написавшего на грифельной доске последнее свое стихотворение – последние свои слова:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,

То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

Тургенев – Вяземскому, 7 февраля 1822 года: «Вчера Жуковский возвратился, видел Батюшкова в Дрездене, слышал прекрасные стихи, которые он все истребил».

Доктор Антон Дитрих, лечивший Батюшкова в тридцатые годы, считал, что кроме наследственности, о которой Батюшков знал и проявления которой опасался, были и причины особенностей душевного склада поэта: «воображение брало решительный перевес над рассудком».

А 14 марта 1822 года, после дрезденской зимы, Батюшков неожиданно объявился в Петербурге. Хотя глагол «объявился» здесь неуместен – он почти ни с кем не желает вступать в контакты. Он серьезно болен, это ясно уже всем: его самовольные отъезды от места службы, пребывания на водах, приезд в Петербург, нежелание общения – всё это проявления тяжелого заболевания.

Полтора месяца спустя он получает уведомление министра иностранных дел:

*Его Императорское величество высочайше повелеть соизволил:
находящегося при римской нашей миссии надворного советника Батюшкова
уволить в Россию бессрочно с сохранением получаемого им жалования...
...граф Нессельроде.
Апреля 29 дня 1822 года.*

Когда Батюшков заболел, его перевезли на Фонтанку к Муравьевой. Переехав на свою дачу на Каменном острове, она наняла для больного поэта стоявшую против ее дома по другую сторону реки дачу Аллера.

«У Карповки, на нынешнем участке № 56, – пишет А. Яцевич, – стояла дача составителя петербургского адрес-календаря С. Аллера. В двадцатых годах XIX в. ее занимал А. С. Шишков. Этот старинный двухэтажный дом с пилястрами пришел в такую ветхость, что в 1935 г. его пришлось разобрать... При даче находился, как гласили публикации, „большой английский сад, с качелями и каруселью“».

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид,

как назвал его Пушкин в своем обращении «К Батюшкову», теперь одиноко бродил по своему уединенному саду, избегая встреч с людьми. Эти события относятся к лету 1823 года.

Дом № 15 по каналу Грибоедова

Через несколько лет на той же даче поселился Гнедич, тщетно искавший следов пребывания здесь поэта. Лишь на одном окне он прочел нацарапанную на стекле надпись – «Есть жизнь и за могилой» и на другом – «Ombra adorata» (итал. – обожаемая тень). Это было все, что осталось от пребывания здесь Батюшкова³⁵.

С окончанием дачного сезона 1823 года Батюшков поселился в доме Имзена на Екатерининском канале (кан. Грибоедова, 15)³⁶.

А. И. Тургенев – Вяземскому, весна 1824 года: «На сих днях Батюшков читал новое издание Жуковского сочинений, и когда он пришел к нему, то он сказал, что и сам написал стихи. Вот они:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Записка о нем готова, – продолжает Тургенев, – Мы надеемся скоро отправить его в Зонненштейн...»³⁷.

³⁵ Яцевич А. Пушкинский Петербург. СПб., 1993. С. 157.

³⁶ Медерский Л. Адресный указатель // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 380.

³⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. 3. С. 22.

Мельхиседек, «изрекающий» трагическое надгробие человеку, – библейский пророк, носитель несчастий, а согласно одному из христианских апокрифов – священник, который во время землетрясения потерял весь свой род. Абсолютная беспроблемность.

Отсюда (кан. Грибоедова, 15) в мае 1824 года Батюшков уехал на лечение и навсегда оставил Петербург³⁸.

Замечательное описание места, куда друзья отправили К. Батюшкова на лечение мы нашли в 3-м выпуске альманаха «Пушкинский музей»³⁹: «Европейской известностью пользовался небольшой саксонский город Пирна, расположенный у ворот в Саксонскую Швейцарию. Неподалеку от этого городка в июне 1811 года была открыта психиатрическая лечебница „Зонненштейн“...». Страждущим помогала сама обстановка, и прежде всего – великолепная природа, о которой П. А. Вяземский писал:

Прекрасен здесь вид Эльбы величавый,
Роскошной жизнью берега цветут;
По ребрам гор – дубрава за дубравой,
За виллой вилла – летних нег приют⁴⁰.

Вяземский приехал в «Зонненштейн» в 1853 году, а почти за 25 лет до него эту лечебницу посетили братья Н. И. и А. И. Тургеневы. Их приезд был связан с беспокойством по поводу состояния здоровья поэта Батюшкова. Тургеневы прекрасно знали врача клиники, находились с ним в переписке.

Батюшков лечился в клинике с 1824 по 1828 год. Поэтому такой печалью пронизаны воспоминания Вяземского, посетившего клинику летом 1853 года:

Я предан был другому впечатленью, —
Любезный образ в душу налетал,
Страдальца образ, – и печальной тенью
Он красоту природы омрачал...⁴¹

С 1833 года Батюшков жил в Вологде под присмотром родных. Он умер от тифа 7 июля 1855 года и похоронен в пяти верстах от города, в Спасо-Прилуцком монастыре. Почти полжизни в сумеречном состоянии...

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу... —

это, конечно, Данте, но уж о нем ли?

В одно из недолгих своих просветлений Батюшков ответил на вопрос кн. Вяземского о своих произведениях так: «Что писать мне и что говорить о стихах моих? Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди, узнай теперь, что в нем было! ...»⁴²

³⁸ Шубин В. Здесь жил Батюшков // Вечерний Ленинград. 1988. 12 мая.

³⁹ Михайлова Л. Б., Шиптан М. Культурные связи России и Саксонии в пушкинское время (новая книга Эрхарда Хексельшнайдера) // Пушкинский музей. Альманах. Выпуск 3. СПб., 2002. С. 290–291.

⁴⁰ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 312–313.

⁴¹ Там же. С. 313.

⁴² Вяземский П. А. Полн. собр. соч. в 12 томах. Т. 8. СПб., 1883. С. 481.

И все же попробуем узнать, что нес и что внес Батюшков в русскую литературу. Без чего ни Тютчев, ни Гоголь, ни Тургенев, ни даже Пушкин не были бы такими, кем они были – они все начинали бы с более низкого уровня, чем тот, на который поднял их Константин Николаевич Батюшков!

Обратимся к автору предисловия к изданию сборника Батюшкова «Мои пенаты» Кириллу Васильевичу Пигареву⁴³.

В дружеском послании к Жуковскому и Вяземскому «Мои пенаты» (1811–1812 гг.) Батюшков описывает:

Отечески пенаты,
<...>
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
<...>
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Все утвари простые,
Все рухляя скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Под влиянием «Моих пенатов» Пушкин написал свое лицейское послание «Городок»:

Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.
Я нанял светлый дом,
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет...

Батюшков:

Отеческие боги!
Да к хижине моей

⁴³ Батюшков К. Н. Мои пенаты: стихи. М., 1982. Составление, предисловие и примечания К. В. Пигарева. Рисунки Ю. Игнатьева. С. 9.

Не сыщет век дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой.

<...>

Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.

Пушкин:

Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно,
Не ходит в модный свет;

Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Батюшков:

И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла – наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!

И в 1818 году Пушкин пишет стихотворение «Выздоровление», конечно же, под влиянием этих стихов:

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина, с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной,
И слабым шепотом подругу я назвал...

Впоследствии Пушкин говорил, что стихотворение «Мои пенаты» «дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслажденья – слог так и трепещет, так и льется – гармония очаровательна». «Что за чудотворец этот Батюшков!»

Гоголь, сравнивая Батюшкова и Жуковского, говорит, что некая сила равновесия в нашей поэзии, храня ее от крайностей, создала этих двух поэтов затем, чтобы в то время, как один (Жуковский) станет приносить звуки северных певцов Европы, другой (Батюшков) обвеял бы ее ароматическими звуками полудня, познакомя читателя с Ариостом, Тассом, Парни, Петраркою и нежными отголосками древней Эллады. А затем, считает Гоголь, эти противоположности соединились в «середине» – Пушкине⁴⁴.

Пушкинский «солнечный» дар как бы затмил былую славу Батюшкова, но как говорит замечательный исследователь жизни Батюшкова Л. Н. Майков, «при блеске солнца меркнет бледная луна; но в божьем мире всему есть свой час и свое место»⁴⁵.

Очень интересный взгляд на вклад писателя в развитие языка высказан самим Батюшковым в очерке «Вечер у Кантемира».

Но сначала – несколько слов о самом герое этого очерка. А для этого давайте пройдем на Мраморный переулок, соединяющий Миллионную улицу с набережной Невы. На месте этого переулочка еще в конце XVIII века проходил Красный канал, вместо Мраморного дворца стоял тогдашний «вокзал» столицы – первый Почтовый двор, а по другую сторону канала архитектор Растрелли возвел трехэтажный дом-дворец для молдавского господаря (князя) Дмитрия Константиновича Кантемира, переселившегося в 1711 году в Россию. В какой-то степени остатки этого дома сохранились в здании на углу Мраморного переулочка и Миллионной улицы. Парадная же часть дворца, с выходом на Неву, после его раздела на два здания, была перестроена уже в XIX веке.

Вот в этом-то доме до 1732 года и жил сын Дмитрия Константиновича – кн. Антиох Дмитриевич Кантемир, получивший в этом году дипломатическое назначение в Англию. Позже его перевели во Францию, где он и скончался в 1744 году. А в Петербурге он, прекрасно образованный, поэт-лирик и поэт-сатирик, до начала дипломатической службы был одним из наиболее заметных, хотя и самым молодым, участников «Ученой дружины» – первого русского общественно-литературного объединения, организовавшегося вокруг Феофана Прокоповича, видного сподвижника Петра I.

Итак, очерк Батюшкова «Вечер у Кантемира»:

«Антиох Кантемир, посланник русский при дворе Лудовика XV, предпочитал уединение шуму и рассеянию блестящего двора. Свободное время от должности он посвящал нау-

⁴⁴ Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность / Собр. соч. в 6 томах. Т. 6. М., 1953. С. 141–184.

⁴⁵ Майков Л. Н. К. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001.

кам и поэзии <...> В Париже <...> где несколько небрежных стихов, иностранцем написанных, дают право гражданства в республике словесности, Кантемир... писал русские стихи! И в какое время? Когда язык наш едва становился способным выражать мысли просвещенного человека. <...>

Однажды по вечеру Монтескье и аббат В., известный остроумец, навестили нашего стихотворца. Он беседовал с своею музою и не приметил входящих друзей <...> Несколько минут Кантемир перечитывал начало послания своего к князю Никите Трубецкому, и всегда с новым жаром и удовольствием <...> Монтескье взглянул на аббата, кивнул ему головою и намеревался удалиться. Они не хотели беспокоить министра, полагая, что он занят важным государственным делом. Кантемир услышал за собою шорох, оглянулся – и бросился обнимать неожиданных гостей. – „Мы вам помешали: мы пришли не в пору“. – „Нимало!“ – „Вы читали важные бумаги?“ – „Я забавлялся: перечитывал стихи моего сочинения“. – „Но какие? Мы ни слова не поняли“. – „Русские“. – „Русские стихи! – восклицал аббат, пожимая плечами от удивления, – русские стихи! это любопытно...“ <...>

Аббат В. Зная совершенно язык латинский и наш французский, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете нас удовольствия читать ваши прелестные произведения.

Монтескье. Сожалею и удивляюсь, как можно писать, скажу более, как можно мыслить на языке необразованном? Вы пишете по-русски, а ваш язык и нация – еще в пеленах.

Кантемир. Справедливо: русский язык в младенчестве; но он богат, выразителен, как язык латинский, и со временем будет точен и ясен, как язык остроумного Фонтенеля и глубокомысленного Монтескье. Теперь я принужден бороться с величайшими трудностями: принужден изобретать новые слова, выражения и обороты, которые, без сомнения, обветшают через несколько годов. Переводя „Миры“ Фонтенелевы, я создавал новые слова: академия Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищал путь для моих последователей.

Аббат В. Но скажите, Бога ради, как же вы могли присвоить все тонкие выражения и обороты первого щеголя языка французского, нашего семидесятилетнего Фонтенеля?

Кантемир. Как умел! Я следовал рабски по следам его. Перевод мой слаб, груб, неверен. Скифы заставили пленного грека извять Венеру и обещали ему свободу. Грек был дурной ваятель; в Скифии не было паросского мрамора, ни хороших резцов; за неимением их – соотечественник Праксителев употребил грубый гранит, молот, простую пилу и создал нечто похожее на Венеру, следуя заочно образцу, столь славному не только в Греции, но даже в землях варваров. Скифы были довольны, ибо не знали божественного подлинника, и поклонялись новой богине с детским усердием. Скифы – мои соотечественники; Праксителева статуя – книга бессмертного Фонтенеля; а я – сей грек, неискусный ваятель».

Прошло сто лет, и благодаря этим «неискусным ваятелям» И. С. Тургенев – наш «Пракситель» – смог справедливо сказать: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..»

Прошло еще чуть больше ста лет...

Мы едем в поезде из Штутгарта в Париж. В Страсбурге в вагон входит группа французов. Среди них один, в нашем представлении, типичный парижанин, чем-то напоминающий Жака Ива Кусто. Они располагаются напротив нас через проход. Через некоторое время у меня зазвонил мобильный телефон. Звонила дочь из Петербурга. Мы с ней поговорили, разумеется, по-русски, а сосед напротив, обращаясь ко мне, сказал с иностранным акцентом, но по-русски: «Какой красивый язык!».

Княгиня Зинаида Александровна Волконская

Мне говорят: «Она поет —
И радость тихо в душу льется,
Раздумье томное найдет,
В мечтанье сладком сердце бьется;

И то, что мило на земле,
Когда поет она — милее,
И пламенной огонь любви,
И все прекрасное святее!»⁴⁶

Эти стихи И. И. Козлова посвящены удивительной женщине – княгине Зинаиде Александровне Волконской.

В первой части нашей книги «По Фонтанке»⁴⁷ рассказывается о семье З. Волконской и ее дружбе с Козловым, Пушкиным, Вяземским, Шимановской, Мицкевичем. А поскольку Зинаида Александровна одна из наиболее ярких фигур не только среди женщин России, но и среди деятелей культуры Европы XIX века, мы решили посвятить ей отдельный очерк.

В дневнике поэта И. И. Козлова есть запись: «16 апреля 1825. —б...Я отправился к княгине Белосельской на *reunder-vous* с кн. Зинаидой Волконской. — Эта прелестная Зинаида выказала мне трогательную нежность. Я ей сказал стихи, ей посвященные...

<...> Она меня восхитила, — продолжает Козлов. — Она поет чудесно: голос, молода, душа, и она пела для меня... Сердце радовалось. Я ей прочел наизусть „Венецианскую ночь“».

Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Белосельская, родилась в Дрездене, где ее отец, князь А. М. Белосельский был русским посланником. Раннее детство ее прошло в Италии, в Турине, куда отец был направлен послом в 1789 году. В 1792 году умерла ее мать, Варвара Яковлевна Татищева. Над ее могилой в Турине князь построил замечательную часовню, имея в виду, что она станет усыпальницей для других его соотечественников, окончивших жизнь в Италии.

⁴⁶ Козлов И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1960. С. 103.

⁴⁷ Айзенштадт В., Айзенштадт М. По Фонтанке. Страницы истории петербургской культуры. М.; СПб, 2006. С. 183–204.

Зинаида Александровна Волконская

В 1793 году князя Белосельского отозвали в Россию. Они поселились в Москве, где в начале 1795 года Александр Михайлович женился вторично, а в начале 1800-х годов семья переезжает в Петербург, в построенный архитектором Тома де Томоном новый дом у Аничкова моста. Этот дом, впоследствии перестроенный архитектором А. Штакеншнейдером, потом был продан в казну и стал дворцом великого князя Сергея Александровича. В петербургской топонимике здание известно как «Дворец Белосельских-Белозерских». С этим домом на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки и связаны все события петербургской жизни княгини Волконской.

Дворец Белосельских-Белозерских у Аничкова моста

С переездом в Петербург для Зинаиды Александровны началась новая жизнь. Еще с малолетства князь Белосельский знакомил ее с произведениями литературы и искусства, и, хотя он вступил во второй брак, для Зинаиды отец оставался главным наставником и учителем. Неожиданная его смерть в 1809 году стала для нее тяжелым ударом и, по свидетельству А. Н. Волконского – сына Зинаиды Александровны, отразилась на всей ее дальнейшей жизни.

В 1810 году Зинаида Александровна вышла замуж за Никиту Григорьевича Волконского, брата будущего декабриста Сергея Волконского. Духовное одиночество после смерти отца ускорило этот брак. К сожалению, брак оказался несчастливым, и Зинаида Волконская сохраняла его только ради родившегося в 1811 году сына Александра.

Благодаря родственным связям, своему уму и прекрасному воспитанию она заняла видное место при дворе.

Муж сделал блестящую карьеру: флигель-адъютант Александра I, егермейстер двора, выполнял важные дипломатические поручения царя. Его участие в Отечественной войне 1812 года отмечено Георгиевским крестом и шпагой с алмазами. После поражения Наполеона Зинаида Александровна вместе с мужем несколько лет провела за границей – в Дрездене, Праге, Вене, Париже, Лондоне, затем снова в Париже.

Обладая прекрасным контральто, в 1815 году в Париже она с громадным успехом выступает в опере Россини «Итальянка в Алжире».

В Россию Зинаида Волконская вернулась лишь в 1817 году. Однако светская жизнь ее не удовлетворяет, и она с увлечением пишет четыре новеллы на французском языке. В новеллах воспевается жизнь диких племен трех континентов – Америки, Африки и Азии. Эти племена наделены первозданной чистотой, в отличие от развращенных цивилизацией ее современников из Европы. Четвертая новелла, «Лора», автобиографична, о чем Зинаида Александровна говорит в посвящении своей свояченице Софье Григорьевне Волконской: «В европейской новелле я попыталась передать обычаи светского общества, которые так

больно ранили нас обеих, и особенно показать предосудительное легкомыслие, с каким там произносятся суждения»⁴⁸.

⁴⁸ Цит. по: *Фридкин В. М.* Пропавший дневник Пушкина. М., 1987. С. 119.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.